

18 1962

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**НИЧТО В ЖИЗНИ САМО НЕ
ДАЕТСЯ. И ПАШНЯ И КОСМОС
ТРЕБУЮТ УСИЛИЙ, БОЛЬШОЙ
РАБОТЫ. ТРУД, ТРУД И ТРУД.
ТОЛЬКО ОН ПРИНОСИТ ПОБЕ-
ДУ.**

Павел Попович

**КОГДА ЧУВСТВУЕШЬ ЛОКОТЬ
ДРУГА, И НА ДУШЕ СТАНОВИТ-
СЯ ВЕСЕЛЕЕ, И ДЕЛО СПОРИТСЯ.**

Андрян Николаев

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

**18 СЕНТЯБРЬ
1962**

Год издания тридцать девятый

МАЛЫЙ ДОПИТАТЕЛЬ

В. ЕРМИЛОВ,
Герой Социалистического Труда,
сборщик завода «Ирская пролетария»

— Я давно мне рассказывал такую историю. Прочитав она в одной московской школе, на уроке по труду. Один парнишка рассказал на неделе железный прут и приволок к себе. Когда спросил, зачем он это сделал, паренек ответил: воспитывает, мол, в себе волю, чтобы, как краснопидан, выдержат любые пытки, если придется встретиться с врагом.

Не лучший это, конечно, способ воспитать свою волю... Но парнишкой руководило большое, хорошее чувство — он готовил себя к походу. И такое желание — я не боюсь ошибиться — живет почти в каждом молодом человеке.

Однако порой юности и девушки, обучающиеся жадной подавай, стремятся к каким-то исключительным поступкам и необыкновенным делам и в те же времена не могут разгадать героизма в будничной подавай, который совершается изо дня в день, в упорном, творческом труде. А ведь такая подавай совершить куда сложнее. Он требует не мгновенного усилия воли, а постоянного ее напряжения.

Когда моему товарищу по ладуку К. Сарафанову присвоили звание Героя Социалистического Труда, в Указе Президиума Верховного Совета СССР было сказано: «...за выдающийся вклад в выполнение заданий по освоению и внедрению новой техники на заводе». А за этой формулировкой стояла десятка трудовых лет. Десятка лет борьбы. Так в труде рождается подвиг, рождается характер героя.

Молодым людям нужно помнить: никто на земле не сделает их таким сильным и мудрым, как труд. Вот почему пренебрегать трудом — это значит пренебрегать собой, своей личностью. Ведь назначение человека — создать как можно больше ценностей. А не создав ничего, не оставив о себе памяти на земле — значит, и не ждя, а так, промелькнув...

Вот работает на нашем участке один парнишка. Работает хорошо, привлекательно. А тут на днях как-то неожиданно говорит мне: «Хочу уходить с завода, Виктор Васильевич...»

— Что тебе? — спрашиваю.
— Да трудно на нашем участке работать. Все время новая техника идет. Только привыкнешь к сборке одного станка — приходит другое. Уж очень это беспорядочно...

Трудность является парнем. А ведь из преодоления трудностей и складывается жизнь. Построить дом — значит преодолеть трудности, сделать ствол — то же. Даже для того, чтобы сделать самую простую деталь, надо обязательно преодолеть сопротивление материала, а значит, преодолеть и трудность. Нет работы легкой.

Не случайно у нас говорят: человек растет на морях. И воля, никак нельзя отступать перед трудностями.

Ничего ты, предложаешь, отступить перед самым незначительным препятствием, потом обойдешь другое, затем третье. Постепенно привычка молчать становится частью характера. И если придется пора столкнуться лицом к лицу с врагами, тебе уже не совершать подвиги, какими бы прекрасными ни были твои устремления.

Если ты хочешь стать героем, воспитай

свою волю и мужество в каждодневном труде. Не отступай перед трудностями. Не ищи работу полегче. Не думай, что слава героя и поощрение всегда слава может прийти к тебе благодаря минутному порыву.

Совсем недавно и разговорился с одним выпускником средней школы. Когда в спросил полегче, что он собирается делать дальше, он ответил: «Пойду в художники или писатели. На работу они не ходят, деньги получают и славу тоже...»

И тогда только что вернулся из поездки по Италии. Побывав в Сикстинской капелле. Рассказал я этому парнишке, как настоящая слава приходит к художнику. Ведь рисновывая в ватной кисточкой, Микеланджело три года провел на лесах. Три года, лежа на спине, он создавал свои фрески. Это была нечеловеческий труд, но именно он принес художнику мировую славу. Ну, а писатели? Французский литератор Жюль Ренар говорил, что «литературу могут делать... гением, те, кто не кладут рук работать по 18 часов в сутки». И тут же добавлял: «Слава — это непрерывное усилие». Великое мастерство, благодаря которому достигаются великие высоты, — это ежедневный труд без выходных, без переделок. «Если я пропущу один день без работы, я уже замечаю это», — писала одна известная балерина. — «Если же три, это замечаешь губками».

Вот какими неметкими трудовыми путями создается человеческая слава. Вроде бы никак это парнишка. А я задамусь над тем, как могла родиться у него мысль о легком труде. Вспомните школу! Не уверен. В последние годы школа плохо ам, хорошо ам, а все-таки старается привить учащимся уважение к труду. Может быть, семья! Самыла и как-то об одном отце, который, как только у него родился сын, звал на его имя сберегательную книжку. И теперь каждый месяц кладет на него по десять рублей. Видно, он считал, что заботится о будущем сына: будут деньги — будет, мол, все счастье, почет и уважение. И ведь только тогда человеку, что первой же десяткой, которую он положил на эту книжку, он заматхулся на будущее сына. Где, когда в нашей стране деньги сами по себе приносятся славу! Нет, не принесут славу эти деньги ни счастья, ни уважения. А наоборот, если не вырвет его из-под влияния отца школа и комсомол, вырастет он в расчете на отцовские деньги выключенной. Проматает их и останется в жизни ни с чем.

Однако, конечно, не только семья виновата в том, что у нас еще встречаются развлекательные молодые люди, которые ищут пути легкого, чуждым работы на производстве, там, где трудней. Мне думается, здесь все еще сохраняется наследственная культура аристократии, так бурно расцветившей в последние годы жизни Сталина.

Именно в эти годы у нас выросло пренебрежение к труду простого рабочего. Да это и понятно, если вспомнить, что успешнее знаменитых простых труженников объясняется «генем» одного человека. Рабочий был назван простым «винтиком». Ну, а кому, скажите не совете, хочется быть просто «винтиком», да еще в молодости! Вот и получилось, что пойти работать простым рабочим для молодого человека казалось позорным. И даже после института не в министерство или управление, а непосредственно на производство, в их считалось тоже неудачей. Эта инерция сохранилась кое-где и сейчас.

Чтобы переломить эту инерцию, нужна огромная воспитательная работа. Прежде всего комсомол. И тут не добились успеха, даже инстинкту, как это у нас еще иногда бывает.

Как-то перед началом смены подходит ко мне комсорг и просит:

— Виктор Васильевич, помоги мне проработать комсомольцев. Вчера собрался сорвал. Зашел в обеденный перерыв в кофетку.

— Что ж, и согласился. Почему-то и задержался и подошел в тот момент, когда «проработка» была в полном расгаре. Еще не дошел до кофетки, а услышал голос комсорга. Выходу. Ребята сидят притихшие, а он рубит слюна:

— Премени вас за это надо лишать!

Один парень покатился ему возражать — куда там!

— Тебя, — говорит, — надо давно с завода выгнать!

Вот до чего договорился парень. А потом задумался: сам комсорг был виноват в том, что собрался сорвал. Он не посоветовался с ребятами заранее. Но разве можно в наши дни единолично решать общественные дела! Конечно, нет. Нужно доверять людям, советоваться с ними, помнить, что рабочий не «винтик», а решающая сила в борьбе за коммунизм.

И тут я хочу напомнить слова Владимира Ильича Ленина: «Мы будем работать, чтобы выгнать проклятое приваляе каждый за себя, один бог за всех, чтобы выгнать приваляе считать труду только повинностью и пренебрежительно только слепячий по известной норме труду. Мы будем работать, чтобы выгнать в сознание, и приваляе, и последователь обход нас правило: «Все за одного, один за всех», чтобы вводить востепение, но неуловимо коммунистический труд».

Вот какое огромное воспитательное значение придавал труду. Ильич. Потому что труду, не только средство к существованию. Вчера он был победой над физиком, сегодня — открытием советским людям путь в космос. Завтра труду, принесет торжество коммунизма на нашей планете.

С этого номера в нашем журнале
открывается новый раздел

«Трибуна
МЕНЯ»

См. стр. 8-9.

ИВАН КОМАРОВО

Иван остановился около объявления: «Здесь, на 2-м этаже, находится комсомольский штаб набора на завод по комсомольским путевкам. Добро пожаловать, молодежь строители коммунизма!» Он долго стоял, снова и снова глядясь в красиво выведенные красные буквы. «Ведь я не по комсомольской путевке», — думал он. И все-таки в конце концов решился. Медленно и неуверенно поднялся вверх. Зашел в просторную комнату. Сначала он подумал, что попал не туда. И уже собиравшись повернуть назад, услышал:

— Идите сюда, молодой человек!

— Да я, видите ли... Десять классов... Вот на завод... Но нет путевки... Иван присел на краешек кресла.

— Так-так—Гончаров, начальник штаба, барабанил по столу.— Ну, а кем бы вы хотели работать?

— Токарем — универсалом.

— Ого! Даже универсалом! Астасов! Посмотри, как там в инструментальном! — Гончаров с улыбкой посмотрел на Ивана.— Ну, раз ты комсомолец и сам пришел в штаб, думаю, примем...

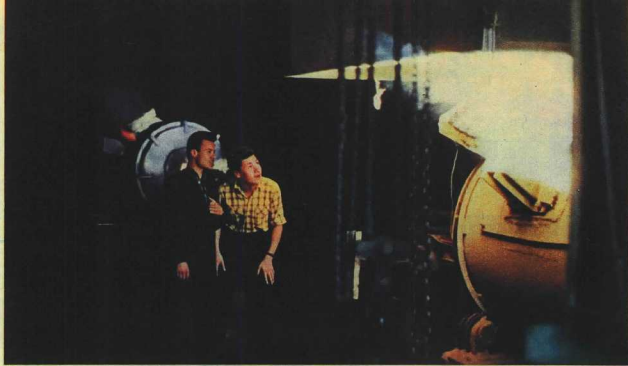
Фотоочерк
Василия МИШИНА.

В-РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК

— Вот твой заводской пропуск, — говорит Николай Гончаров, начальник комсомольского штаба. — Это документ рабочего человека. носи его с честью.

В литейной цехе много удивительного, особенно для новичка.

— Каждые несколько минут с конвейера сходит готовая машина, — объясняет Ивану мастер Калинин. — И в надежде из них будет частичка твоего труда.

— Видите...— Иван не знал, как начать.— Мне хочется, чтобы... Ну, на инструментальном... Не в инструментальном...

— Чудак! — Гончаров рассмеялся.— В инструментальном мы направляем сейчас только окончивших десятилетку. Там начинается рождение машины. Работать в этом цехе — высшая честь. Что ни день — новая деталь. Вот так. А ты еще в инструментальном...—

И, помолчав, добавил уже без улыбки:— Через день приноси документы, а пока позвони комсоргу — пусть экскурсию тебе к тому дню организует по заводу.

...Наступил первый рабочий день. Люди шли и шли через проходную. А Иван стоял, держа совершенно новую пропуск, и не решался войти.

— Что, в первый раз?

Иван поднял глаза на улыбающегося вахтера.

— Ну, ничего, ребята у нас хорошие. Там же, как и ты. Завтра уж одного тебя не увидишь. Там быстро в семью принимают.

Иван прошел в инструментальный, да так и застыл с раскрытым пропуском. Цех оказался неожиданно большим, гулким и высоким, как вокзал.

— Новенький! — На него смотрел паренек чуть старше его.

— Да. В инструментальном.

Паренек с достоинством проверил пропуск.

— Да. Верно. К нам. Иди к мастеру. Пройдешь этот пролет и направо, а там...

Впрочем, пойдем, провожу. Иван вглядывался в лица, стараясь угадать, кто же будет обучать его, но рабочие за станками были как-то похожи друг на друга.

Знакомство состоялось... Теперь товарищ Вольга Силантьев будет обучать мастерству Ваню Комарова.

— Как сюда попал-то? — спросил парень.
— Кончила десятилетку... Думал о заводе еще в школе, вот и пришел.
— У нас здесь здорово, — говорил паренек. — Я, например, хочу учиться на навальчика, но для этого надо разбираться в гидравнике, электронике... Долго надо учиться, — со вздохом сказал он. — Ты смотри

фильм «Планета буря»? — неожиданно спросил парень. — Видел там звезд? — Видел.
— Так эта модель у нас сделана на ЗИЛе, — гордо сказал паренек. — А вот здесь Битя Кузнецов, мастер цеха. Отчества не знаю, его весь цех зовут Битей. Всего хорошего. Я пошел.

И паренек зашагал по пролету. Только теперь Иван вспомнил, что забыл спросить у него имя.
— Иван представлял своего наставника, историю его прирелился мастер цеха, умудренным опытом, пожилого человеком, а перед ним стоял парень лет двадцати трех. Битянин рука оказалась в крепкой жесткой ладони.
— Силантьев, Володя.

Разговор явно не клеился. Первым нахлест Володя:

— За кого большешь?
— Я!.. За «Спартак»...

Володя засмеялся:
— Тыларь будешь за «Торпедо»!

— Первые дни в цехе были трудными и в то же время страшно интересными. Иван пытался разобрататься с чертежами, по которым работал Володя. Не всегда это выходило, и тогда он забрасывал вопросы своего учителя.

— Чему вас только в школе учили! — смеялся в ответ Володя.

— В школе? Практика у нас была. В простом чертёже я разберусь. Даже этот! — Иван ткнул в лежащий перед ним чертёж, — пойму. Только... когда деталь будет готова...

— В том-то и штука, Ванюша, что деталь нужно увидеть заранее, вот в этих линиях. Ну, ничего, не робей. Тебе это не так трудно дается, как в свое время мне. Вот через недельку-другую, думаю, станешь за станок...

...Сбылось предсказание старого автара: домой Иван теперь шел один, вместе с ним были Володя, слесарь Юра Прудников, Наталья Галкина, с которой он познакомился, получая свой пропуск. Иван стал членом заводской рабочей семьи.

— Ну, поехали, Ванюша! Поднимем бокалы...

Иван испуганно замаха руками:

— Я же не пью.

— Ничего, — Володя улыбнулся. — Сегодня у тебя первая зарплата. Но угощаем мы.

И вот они в кафе на Таганке. Володя что-то шепнул официантке. Она тоже заговорщицки улыбнулась. Ивану не хотелось пить, и он обдумывал, как поделителем сказать об этом друзьям. А когда она вернулась, он растерянно уставился на официантку, на мороженное, принесенное ею, на смеющихся ребят.

— Ну вот, а ты говорил — не пью, — смеялся Володя. — Ну, за твои успехи, рабочий человек Иван Комаров...

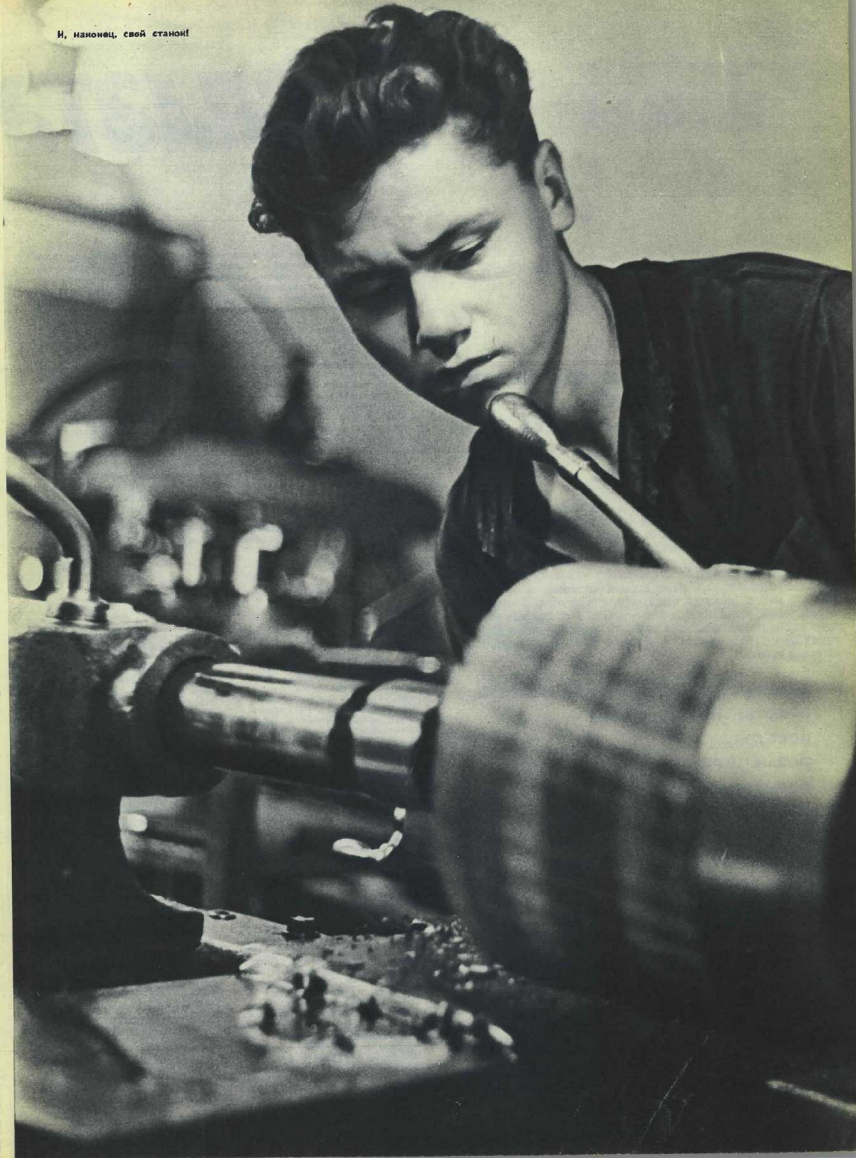
Увы, вначале и на футболе Ивану приходится присутствовать в качестве запасного. Но вскоре и он войдет в основной состав...

Окончен рабочий день, но разговоры о заводе, о профессии продолжают идти за проходной.

— С первой зарплатой тебе, Ваня!

И, наконец, свой станок!

**Дорогие друзья, читатели
нашего журнала!**

**С этого номера мы от-
крываем новый раздел—
«Трибуна Смены».**

СВОИМ ПОЯВЛЕНИЕМ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ОН ОБЯЗАН ВАШИМ ПИСЬМАМ В РЕДАКЦИЮ. В НИХ ВЫ ДЕЛИТЕСЬ РАЗДУМЬЯМИ О ЖИЗНИ, О НАШЕМ ВРЕМЕНИ, РАССКАЗЫВАЕТЕ О СВОИХ РОБЕСНИКАХ, ТОВАРИЩАХ ПО ТРУДУ, ПРОСИТЕ СОВЕТА, КАК ПОСТУПИТЬ В ТОМ ИЛИ ИНОМ СЛУЧАЕ, ВЫСКАЗЫВАЕТЕ ИНОГДА СПОРНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА — ДЕЛО ВЕСЬМА СЛОЖНОЕ, И ПОЭТОМУ ДАВАЙТЕ ВМЕСТЕ, СООБЩА ПОДУМАЕМ, ПОГОВОРИМ, ПОСПОРИМ О ТОМ, КАКИЕ ЧЕРТЫ НУЖНО ВОСПИТЫВАТЬ В СВОЕМ ХАРАКТЕРЕ, ЧЕМУ СТОИТ ПОДРАЖАТЬ, А ОТ КАКИХ ПРИВЫЧЕК И СИЛОННОСТЕЙ НЕОБХОДИМО ИЗБАЖИВАТЬСЯ. РАЗГОВОР ОБ ЭТОМ И ПОЙДЕТ В «Трибуне Смены».

**Мы предполагаем публиковать:
ответы на вопросы,
беседы,
размышления,
советы,
дискуссии,
письма в редакцию
и письма из редакции
по проблемам
нравственного развития
нового человека.**

МАТЕРИАЛЫ «Трибуны Смены» БУДУТ ИНТЕРЕСНЫМИ И РАЗНО-
ОБРАЗНЫМИ ЛИШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ВЫ, ЧИТАТЕЛИ, ПРИМЕТЕ
В ЭТОМ РАЗГОВОРЕ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ.

**О чем бы вы хотели
прочитать, узнать, поспо-
рить в нашем журнале?**

«Я пишу это письмо под впечатлением статьи Надежды Григорьевны Загадки, опубликованной в «Правде». Под впечатлением ее возмущающего разговора о совести советского человека. Я работаю на шахте «Шолоховская-Северная» треста «Богурьевхострой». Этой весной мне довелось присутствовать на судебном процессе в народном суде Белокалитвинского района, Ростовской области, где слушалось дело:

1. Латвевой Л. Ф. [завмаг] — иск на 263 р. 34 к.
2. Рубашкиной Н. А. [продавец культтоваров] — иск на 1 173 р. 84 к.
3. Головановой В. К. [продавец открытой выкладки товаров] — иск на 175 р. 69 к.
4. Кривоконойвой В. Г. [продавец отдела парфюмерии] — иск на 2773 р. 28 к.

5. Бабкиной Е. Ф. [продавец отдела обуви] — иск на 43 руб.
Причиной всех этих недостач, как объяснил ответчик [а он, кроме Н. Рубашкиной, комсомолец], явилась безличная материальная ответственности завмагом Латвевой, которая запретила продавцам закрывать подсобная помещения, срывать пломбы, а сама оставалась в магазине, когда продавцы уходили домой.

Определить главного виновника расстрат могла бы помочь документальная ревизия. Следственные органы не стали утверждать себя проверкой всех документов и выяснением обстановки, царившей в магазине. Они просто сбавили с рук недоработавшего деловую, в суд на такие «мелочи» не обратил внимания. И мне хочется, чтобы каждый из причастных к этому тяжелому и неприглядному делу, говоря словами Н. Г. Загадки «...посмотрел на себя со стороны, посоветовался со своим совестью: кому дальше идти и работать, чтобы не стыдно было перед народом, перед партией нашей, перед детьми и самим собой!»

[Из письма в редакцию.]

Мы так и расстались с ней, не поняв друг друга, отчужденно и вконец. Она не захотела даже присесть и слушала меня с нетерпеливым видом, как будто она — Аня Редзель — совсем не тот человек, к которому следовало бы прийти.

Да, сейчас Аня уже не работает в торговле и не имеет отношения к промтоварному магазину № 1 ОРСа треста «Богурьевхострой» в поселке Шолоховский, Ростовской области. Да, формально она не имеет отношения к делу Латвевой, разбирающемуся в народном суде Белокалитвинского района. Но ведь в деле фигурируют фамилии ее подруг и недавних сослуживцев — Нэди Рубашкиной, Вали Головановой. Вот почему я знала, что пришла по точному адресу и что независимостью Ани Редзель — это только игра или, вернее, пошл, хорошо интрижана и ставшая уже привычкой. Но я чувствовала, что как только за мной захлопнется дверь, Аня будет снова встроженно перебирать в памяти недавние события...
«Тогда Аня Редзель вела себя совсем не так. Она приходила из магазина домой, опускалась на стул и думала, думала. И нет, не такой представляла она эту работу!»

После окончания торговой школы Редзель направилась в поселок Шолоховский. Здесь-то Аня и познакомилась с заведующей промтоварным магазином Любью

Филипповной Латвевой. Та держалась уверенно, как держатся люди, знающие себе цену. Говорила весело и назидательно: «В торговле надо уметь работать». Аня Редзель хотела уметь работать и прислушивалась к наездникам Латвевой. Тогда она не подозревала, какой смысл заведующая вкладывала в эти свои слова. Это произошло несколько позже.

В один из дней в магазине было особенно многолюдно. Шаттеры ждали, когда начнут продавать костюмы, которые Латвева привезла с базы. Сейчас уборщица носила их в отапливаемый пласть, а Зоя Павлова, продавец отдела, считала, заглядывая в накладную. Потом она снова все пересчитала и сказала:

— Десяти костюмов не хватит! Накладную подписывать не буду.

— Подписывай и торгуй! — потребовала Латвева.
Шаттеры волновались. Им надо было идти. Спор завязался с продавцом перекинулся на склад и там закончился... дракой. Только после этого недостающие костюмы отсылались в кабинет Латвевой.

Аме стало страшно: ведь то же самое может случиться и с ней! Но драться с завмагом, как Зоя Павлова, она не сумела. Другого способа заставить Латвеву сдать товар точно по накладной, как видно, нет. Что же делать?

Перед Аней был готовый ответ на это вопрос.

Она пришла в магазин в один

день с Надей Рубашкиной. Она вела, а я шакала, признала. Наде шасть отдал. Как потребовали переосенки товаров с завышенными ценами. Как, видя злоупотребления Латвевой, ходила к общественному контролеру, написала докладную старшему торговле. И в конце концов добилась своего: за фотобывтиник, к примеру, шатеры стали платить намного меньше, чем раньше, когда за прилавком стояла Латвева. Но Латвева не собиралась так легко сдавать свои позиции.

— Через день будешь докладные писать, донощица! — зло бросила ей замаг, — Здеца тебе не школа...

В самом деле, в торговой школе Надю и Аню учили, что помещицы продавцов должны быть закрыты. А здесь они у всех открыты. И напрасно Надя вешает глотки, Латвева все равно их срывает. (Так было до тебя, так будет!) Если замаг захочет, то всегда может взять любую вещь из Надюного склада — в ободенный перерыв она часто остается одна в магазине. Нет, решила Аня, с Латвевой лучше не сориться! На месте Рубашкиной Аня никогда бы не пошла к начальнику ОРСа Соронику. Это неосмотрительно. «Сор из избы не выносите», — сказал он ей, в помощь ничем не помог.

В последнее же так уж мало дверей, в которые можно стучаться за помощью. И Надя стучалась во все двери. Ходила к начальнику ОРСа, пыталась увидеться с начальником управления, когда тот однажды приехал в поселок, была у следователя, заявляла о неблагодарном положении в магазине в ОБХСС. О том, как отписался к тревожным сигналам молодого продавца, речь ниже. Сейчас интересует другое: как реагировала на все это оставшаяся продавщица-комсомолка? Ведь Надя Рубашкина боролась не только за себя, но и за них тоже.

Однако никто из девушек-комсомолок не решился выступить вместе с Надей против Латвевой и ее покровителей, никто не рискнул сразиться с ними оружием. А, как известно, от трусости до предательства — один шаг. Самата Латвева прекрасно понимала, что сила, настоящая сила, не у нее, а у Ани Редзель и ее подруг, у комсомолок. Вот почему после очередной ревизии, вскрывшей иррегулярную недостачу, она бросилась к Ане и Вале Головатой.

— Выхучайте, девочки. Поезжайте в Шасть, в управление. Простите, чтобы меня оставили на работе, скажите, что мы всегда выполняем план, и эту недостачу — это случайность. Ведь вы комсомолки, вам поверят...

И комсомолки, предав Надю, решили спасти Латвеву. Они по-

ехали в Шасть и сказали: «Как торговый работник Латвева честно относится к работе и требует от нас честности. Им поверили. виновной в недостачах признали не Латвеву, а... Надю Рубашкину, которая стремилась вывести на ничто воду замага-шошеницу и настаивала на ревизии.

Слова, обличающие Латвеву, сказала Редзель. За ней ее повторили почти все продавщицы. Слова стали документом. Его подшили к делу и считают, что это мнение коллектива, мнение комсомольской организации.

— Теперь бы я так не поступила! — сказала мне Валя Головатая. — Теперь я вижу, что Латвева просит нас спрятаться.

Это были тяжелые дни для Вали Головатой. Она забрела в какой-нибудь сверт и там, где никто не ходит, в сотый раз перечитывала все, что пронеслось в ней. У нее было много времени, чтобы переживать: ее отстранили от работы за недостачу в 196 рублей. Валя не считала себя виноватой — это честный торговый работник Латвева заставила ее подписать фиктивную накладную на 400 пар чулок.

— Недостатк у меня не было. О других ничего не скажу. Я ни при чем...

У этой девушки милое, открытое лицо. И если бы мы говорили с ней не о торговле, оно, наверное, было бы оживленным. А сейчас лицо сквамо напряжением. Я понимаю, что ее занимает только одно: много ли в ней зла?

А я действительно знала, что Аня говорит неправду. Недостачи по вине Латвевой у нее были так же, как и у Нади Рубашкиной, и у Вали Головатой. Я знала, что она не решилась поддержать Рубашкину вовсе не потому, что ее подруга по работе была неправда, а потому, что отойти в сторону — это легче, проще. Правда, она не хотела быть заодно с Латвевой, но не пошла и против нее, а стала безразлично выплывать недостачу, чтобы развязать себе руки и уйти из магазина, кто собственному же мнению с «инстинкты» документации. Она вовсе не думала, что это предательство — оставить подругу одну в борьбе с матерым хищником. Далеко теперь, когда ей ничто, кажется, не грозит, она не сказала правду, надеясь, что сила лжи, как и прежде, сохранит ее непричастность. Но так ли это?

Нет! Ложь может спасти лишь в мире, где niemand может себя. Но в нашем обществе, где каждый — за всех, все — за одного, ложь не спасает. Вот почему так

много страстных откликов вызвала статья Надежды Григорьевны Загады. Действительно, преступление перед своей гражданской совестью, которое не улавливается никаким кодексом, кроме морального, у нас неизбежно приводит к преступлению, которое имеет свое точное название в кодексе уголовного.

— А как же Латвева! — возможно, спросит Аня Редзель. — Почему она не пострадала? Почему еще до того, как закончили следствие, она уползла из магазина к собственному же мнению и уехала в город Мирный, предоставив отвечать за свои грехи продавщицам? Почему начальник ОРСа Литвинов без задержки поставил свою резолюцию на заявление человека, которому нет места в нашей торговле? Почему, наконец, умение Латвевой «работать в торговле» она выносит сор из избы безозорно и следователя Шолоховского отделения милиции тов. Башлаева, который не нашел в действиях Латвевой состава преступления, и народного судью Аняньева, оценившего ее вину всего в 263 рубля?

Да, у этой истории — хотя многие и считают ее законченной — пока нет конца. В деле Латвевой слишком много грубых ошибок, которые надо исправить, и много угавенной правды, которая непременно возмостуеват.

И прежде всего надо спросить: как могло случиться, что тревожные сигналы молодого продавца не были услышаны? Почему ни в управлении торговли, ни в ОБХСС не придали ни значения, попросту говоря, отмахнулись? Почему Надя

должна была искать поддержки только в самой себе, а тот, кто обязан был ей помочь, в лучшем случае оставался безучастным?

Но самое главное — Латвева не удалось спомнить Надю Рубашкину. Надя боролась, вера в подругу, в коллектив. Вот почему, когда во время судебного процесса судья Аняньев подозрительно обвел ее в вопрос:

— Видела безобразия, но не ушла?

Надя ответила вопросом: — А вы бы не могли вместе ушли?

К сожалению, судья Аняньев ответил:

— Я бы ушел!

А вот Надя не ушла, хотя ей было очень трудно.

Надя человек обывановый. Она не была закаленным борцом: в торговой школе этому не учили. И была она вражеско потерпела поражение: побежденной она не будет никогда.

И последние. В Москве, в Министерстве торговли РСФСР, один ответственный товарищ, которому я обо всем рассказала, заметил:

— Мне думается, если писать о неудаче молодых в такой отрасли, как торговля, то мы никогда не решим своих основных проблем. Решить же их мы сможем, лишь оперевшись на молодые кадры. Не отступит ли молодежь частое упоминание неудач?

Возможно, что все здесь рассказанное кого-нибудь и отпугнет. Там лучше. Путливые в торговле не нужны. Пугливые не нужны нигде.

Э. ДАНИЛОВА

В следующем номере

«Трубина»
в разделе «МЕНЬЯ»

читайте
«ОСЕЕШЬ ПОСЛЕДНОК-
ПОЖНЕШЬ СУДЬБУ».

ПЕРЕКРЕСТОК

Имя Михаила Демина знакомо любителям поэзии. Сейчас он работает над своей первой прозаической книгой «Мирская тропка». Мы предлагаем читателям «Смены» познакомиться с двумя рассказами из этого цикла.

После бурана, как обычно, снега притихли и остекленили. Мороз окреп, зашлепал в деревьях.
— Ой, у меня щека отвалилась! — сказала Любаша. Там же — с плеча на плечо — перекинула рюкзака. Спрятала лицо в меховую шапку.
— Ты снежку зачерпни! — сказал Коля. — Сильней три, а то, не дай бог...

Он подошел, пригнулся — белые брови, сосушка на носу. И Любаша посмотрела на него благодарно.

— Милый, озабный.
Она яростно терла щеки, неотрывно — снизу вверх — смотрела на Николая: он и палатку несет и нивелюр. Больше всех несет. И еще заботится. Всегда о ней заботится. Он настоящий.
— Тут недалеко Великие Ключи, большое село, — сказал Проозоровский. — Километра три, не больше.
— А морозинто! Поднажмем, ребята.

Коля нагнувшись шапку. На ходу, разлепая холодные губы, улыбнулся Любаше.

Дорога вырвалась из леса и круто забрала влево. Открылся широкий ценик, испещренный кустами и тенями, косо расположенный людским одиноким следом.

— И-да, — сказала Проозоровский и коротко свистнул. — Во-о-о-и куда порога крутнут.
— А село — вот оно.

Далеко, за краем, возникли сумерки. Темнота нагнеталась в логах, гнилая очеретания снега. Выли видны острия крыш, слугот колоколы — тоненький, плоский, прихлещный к лимпоному горняку. Затем горизонт погас.

— Теперь я, кажется, все шкуру содрала, — сказала, держась за щеку, Любаша.

— Давай-ка сюда груз! — завалил Коля. — Айда направо! — Он отбросил у девушки рюкзака, вынул рукой.

Любаша, маленькая, в вапных штанах, прыгала вперед. Вот она нырнула в ритыну, подползла и шибко залезла к рюкзаку.

— Что там? — забеспокоился Проозоровский. — Что?
— Не лопну...
— Что-то не то. Везими!

Любаша хлопотала возле груди валежника: там лежал человек. Он лежал недвижно, подтянув колени, намертво сцепив руки на груди. Он весь покрывал ледяной коркой, казался, повисшим его — и он расплывался, аэрамент... И все же человек дышал, почти неслышимо, но дышал.

— Не дотыкай, — сказал Проозоровский. — Замело. А хорды-то всего двадцать минут.

— Вот она, участь бродяг и измыкателей! — выдохнул Коля. — Ну, что ж. Пока дышит...
В избе — в духоте — человек очнулся. Затрепетал ресницами, сильно застонал. Его попробовали поднять, но он не давался, не размыкал рук. Он смотрел бессмысленно и тревожно и только неслышимо спешивался ртом:

— Ноги... ой, ноги мои! Ой, козявки...
Салота задублил. Их пришлось разрезать ножом. Но разуть его не удалось: портянки охватывались вместе с кожей.

— Это что ж такое, — ахнула и захрипела хозяйка. — Бож-же-е мой!

Она кормила грудью ребенка; ровный малец пускал пузыри, чмокал, улыбался незнакомым людям.

— Божка ты мой, ведь боль какая! — сказала она. — Водь померет...
Она поманула Любашу, торжественно забормотала:

— Тут у нас случается есть, но фельдшер как на грех с вечера в район уехал... Рядом — вторая изба с краю — леспрохозовское общежитие. Беги, милая, может, шофера сыщешь. Надо вести в район. Туда блинато, там больница.

Высоко блеснула мартовская луна — сдербятый лик с отбитами клыками.

Снега пороа возолудни. Облитое гуським холодом, село дремало, куталось в стурбы. Оно казалось вымершим, лишь в глубине дворов гремели желаемым пем.

Любаша бежала вдоль глухих оград. Вот она, дремучая Сибирь: частокости и псы... Убьют, разденут — не довернешь. Стыдливый воздух нурчал у ее губ и осыпался колочими искрами. Люба, которая тут вторая!

Она устала, облыла со счета. Остановилась возле протрука: как ее, эту избу, утащат? Может, она вовсе с другого края?... О, кто бы кто-нибудь!

И только Любаша подумала так, из проулка возникла фигура.

Мужчина подошел уверенно, вразвалочку — пошатые плечи, лунная тень на щечиньях, крепкие сухая. Она сказала, задыхаясь:

— Здесь где-то должно быть общежитие... протате. Очень, очень, очень...
— Так это вот большой барак с навесом, — быстро сказал он. — А в чем дело?

— Человек замерз. Шофера надо... Весь обморожен, ужас!
— Понято, — сказала женщина и твердо взгля Любашу за плечо. — А ну!

Он вошел в общежитие, широко вывернул дверь. Оттуда шибнула махорочным думом; низкая комната колыхалась от жары и дыма.

За дощатым столом шны чьи люди в свитерах и ватниках. У них были темные, перекрестые жиламы руки. Они ломали хлеб и стучали жесткими кружками.

— Ай, Федька! — сказал белозолосый жилитый парень. И засмеялся, двигая калдыком. — Пошел за паровой в ларек, а раздобыл какую девочку... Лихач!

— Ты, Федь, скажи, где достал? — крикнули из угла.
— Кончайте, — поморщился Федя. — Дела серьезные.

Он покосился на Любашу:
— Не обращай внимания... Ребята толковые. Правда, лязки чешать любят, но — тайга!

Он подошел к белозолосому, спросил в упор:
— Слышь, Пашка, сегодня инзуда боле не едешь?

— Не. А что?
— Дело есть... Федя грузно оперся на стол. — Выйдем давай, сходим в одно место.

— Если насчет машины, — бесполое!
Белозолосый потанул, затрепал. Делитивно, миничем скреба-ную голую грудь.

— Машина бардакит — вагнание, тормоза, то да се. В такой мороз, да еще на ночь... Не! Заметано.

— Ладно, — сказал Федя. — Выйдем давай.

Обмороженный лежал тихо, задрагивая ногами, чуть слышно тупал:

— О-о-и-и-и.
Руки его по-прежнему были прижаты к груди. «Словно молится, — подумала Любаша, — или сам себя обнимает».

— Ах ты... заморщился Федя. Присел на корточки, покосился явным.

— Давно подобрал? — спросил он Проозоровского.
— О час примерно. Но сколько там провалялось...

— Тут вот что интересно, — придвинулся Коля. — Как это его утормозило? От того места, где он лежал, до села рукой подать.

— Да не в этом дело! — Федя крепко ладовая потер подбородок. — Тайга, понимаешь? Вечно бывает...

Он глянул на белозолосого:
— Выдашь?
— Выску.
— Ну?

— И же сказал, не могу! Как хочешь. Я сказал.
— Но, боляк, ты соорбачься, промадет человек!

Шофер нахмурился, пожевал напроску.
— Может, попытаться дозваться?
— Куда дозваться? Идти. Шутки шутить.

В самом деле, — сказал Проозоровский и тронул шофера за плечо. — Помните совет! Сменю, ай-бу!

— Сменю? — Валозолосый озялся. — А по этим дорогам без тормозов, онаяш, как? А если с машиной что случится? А если я утормозил? То-то будет смеху.

Он прищурился, сложил шепотью пальцы и многозначительно пошевелил ими.

— Если, и примеру, поломаю...
— Ух, ты! — У Федя посережи губы. — Вон ты на что намекаешь! Он вяло шофера за грудь, трикнул. Задыхал ему в лицо:

— Прямо лопать, зашибать нивелю! Давно и, Пашка, за тобой смотрю... Людей бесполое поймают перестал.

— А ты не командуй! Что ты мне все командуешь?
— Морду лабы!
— Я тебе самому...
— Ух, ты!

Белозолосый рванулся. Брызнули пуговицы.
— Не надо, не надо! — закричала Любаша. Прыгающими пальцами сватала шофера за рукав.

— Что вы делаете!

Любаша говорила как в беспамятстве, задыхалась, путалась в словах:

— Что вы делаете! Ну вот, пожалуйте, возьмите мои часы. Что вы... Хорошо часам... разве можно!

Она сорвала с запястья часы, стукнула их шoferу. На корзинку его ладони сыпался песок.

— Золото! — сказала белокурой, покосилась на Федю. И смал кулак. Сейчас же лежавший на лавке человек моргнув, слабо шевельнулся.

— Ладно, — сказал шofer. — Его не возьян: в кузове холодно, машина разболталась... Еду на врачей. Часа через полтора ждите.

И в дверях, придерживая на груди разорванную рубашку, стукнула обернулась:

— А с тобой, Федька, еще будет разговор. Ты у меня покомандуешь... Я тебе прошлую историю повторю. Все помнишь!

— Черт знает что такое, — ухмыльнулся Федя. Стукнула дверь.

— Черт знает что такое, — сказал Прозоровский. — Мелодрама какая-то...

— Тоже верно.

— Ничего и здесь не могу понять, — сказала, ярая губы, Коля. — Ничего! Он отгадал избу, — Ничего я не могу понять...

Федя медленно вышел. Нашарил в сенцах кашубку. Долго пил, цедил ледяную жижу, поплывавал. Из-за притворенной двери сочилась слеза:

— Для нас, значит, стараетесь? — сказал Федя. — Понятно... А тот, черный, с трубой, он кто такой?

Какой-то инженер из уреста. С нами приехал. Но у него дела разные: уточняет карту массива, что-то в этом роде.

Вне помочали. Федя сказал:

— Значит, говоришь, дружить...

— Это о чем вы? — удивилась Любаша. — Ах, это!

Она затрела головой, вымынула носом. Тогда Федя огромной своей ладонью взял ее за спину, осторожно поглаживал.

— Звезды какие! — сказала Любаша. — Здесь у вас, в Сибири, и звездам ближе...

И сиртала лицо, затихла, только чуть подрагивала ее спина.

И странно ухмыльнулся Федя:

— Первая, говоря, практика? Дело хорошее. На практике все проверяется, любая теория. Верно?

Любаша подыала глаза. Они были влажными и широкими.

В них дробился отражения звезд. Темный, непонятный свет переливался в их глубине.

— Не расстраивайся, все зол, — сказал, наклонясь, Федя. — Девка ты золотая, вот что главное... Ты сколь еще будешь?

Внезапно он выпрямился. Сквозь шорки и потрескавшую нити прорезался клочок мотера. По кришам, мигая, полосуна спонь. За- ладил собаки.

— Бежит машина! — сказала Федя. — Ах, злодей Павлик! Ложно он, однако, обернулся.

Понудя врач — торщилию, собрав морщинами толстое лицо, — осматривал обмороченного, шofer подошел к Любаше, сказал ослыбшим голосом:

— Ты не думай. Это Федька раздралась... Держи!

Он подкинула на ладони часы, слезуна с них табачный муор, протянул Любаше.

— Мне, если так-то, на это рыльце плюнуть и растереть. Поняла? Мы кой-что тоже выделаи... Бери. Носи.

— Нет, нет!

Любаша дернула плечиком и отстранилась. И рука шoferа повисла в пустоте.

— Не надо... оставьте. Или отдайте мои ему! — она кинула в сторону Николая, у того обмякли, лптями вылезла щека.

— Как там же так? — пробормотал белокурой. — Вы что это, ребята? Вы бросьте. Я не дешеле вас.

— Медленно, ни на какой не гляди, он половил часы из стола Огюшена и стал бочком. В этот момент врач скомандовал:

— А ну, мужчины, сюда! Помоги- те рыдать.

Рисунок Н. НЕДВАЙЛО.

Любаша отерлась. За синими промокшими воняла. — Так, так, — говорил врач. — Хорошо! Отлично! Теперь руки ему раджайте.

Зауришало. Кто-то сдвинуло прохрипел:

— Уйди! Ох ты, с-с-с...

И вдруг Любаша услышала тинку.

Дегрелась и топорица губы, человек полулежал, опираясь на локти.

Он был в нателной, асноружной, от пота рубашке. Любашу поразило его лицо — желтизна, судорожно, с белыми глазами.

Потом она увидела врача: сдвинута очка, набухшие брови.

Врач стоял, держа на весу продолговатый золотой мешочек. Медленно, как толченное масло, канал оттуда сочилась песок. Песок белелся, повывался, источал теплое мерцание.

— Отдай! — вскрикнула человек. Угрюмо...

У него залюкотало, выдулось горло. Он повалился на бок и захит, захитал зрачки.

— Вот это да!... — протянула Коля. — Килограммов семь, не меньше.

Федя сказал, запинаясь:

— Так вот почему он замерз вблизи села. Вот почему! Нарочно обходил. Людей боялся...

— Людей боялся! — сказала Любаша и вздрогнула. — Откуда это у него? — И снова молчала, как с мороза, дроздь прошла по ее лицу.

— Что? Что? — авторонился Коля. — Известно откуда! О прелека унес...

— Ну, нет, вряд ли, — Прозоровский крутил головой. — Просто намгла где-нибудь. Фарг где-нибудь пошла.

Он поворачивал, выливал губу.

— Вот так бывает, — сказал он. — Куда, кстати, этот фарг девать? Старательство запрещено, песок так просто не сбудешь... Не те времена. Не та Сибирь, давно уже не та!

— Ну уж так-нибудь! Додержаться!

Коля жадно хлебнул малорочного дымка.

— Но мы-то, мы-то. Распинались тут, соррились. А тут вы что... Он оглянулся — доверительно, с улыбочкой.

— Не спускай! — сказал Федя, цупая его взглядом. — Все зол! О кругом бы подумал... Хованский! — пощавал он языком. — Эй, койка, приноси воню, надо подмести!

— Мне вообще не понятно, зачем нужно было давать? В конце концов можно было бы скинуться, договориться... Слышнши, Любаша?

— Ах, оставь.

— Да, но ведь это же мой подарок. Неужели для тебя не имеет никакого значения?

— Бросьте, Коля, — сказала приглушенно Прозоровский. — Какого черта! Вы же прекрасно видите, как все получилось!

— А что? Они тут сидят старые счеты, а мы при чем?

— Но ты помни: ведь некогда раздумывала. Ведь человек...

— Да, но почему непременно часы? Золотые все-таки не валюются.

У них тут старые счеты...

— При чем здесь золотые! — У Любаша сорвался голос. — Плевать мне на это золото. Конечно, подарок... мне самой жалко...

— Ни черта тебе не жалко! Ты никому не знаешь цену: ни пеням, ни отнюнам.

Снова зашумели, заходили половники.

— Ты как не знаешь цену?.. Да, плевать! Вот уж никогда бы не подумала.

— Я тоже. Или, может, ты за этого, толстомордого, испугалась? Я понимаю... Как же!

Батом, у семахи дверей, Любашин голос сказал:

— Как я устал!

Она ступила в темноту, слепо и молча протянула руки. И сейчас же наткнулась на Федю. И не вздрогнула, словно знала, что это он стоит здесь. И Федя сказал:

— Выйдем.

Звезды обрушились на них. Зеленое сияние ознобило им лица.

Они долго молчали. Потом Федя спросил:

— Он что, мужик твой?

— Так... дружки... Любаша посклался. — На одном факультете учились. В Ленинграде.

— Ну, а теперь?

— Что теперь?

— Теперь-то что здесь делаете?

— В лесостепи, годенстанки. Для леспрохвоя дороги намени- ваем. Первая, в сущности, настоящая практика.

УЖИСТРА

НА перекрестке бригады второго лесозащитного участка собралась у большого огня. Сухими палками, толканили с пологом.

Над предвечерней тайгой стояло серовато-молочное сияние снега. Тянуло скандинавом с покровителем опухлик. И уже несколько раз обросло вокруг костра кусковое слово «распутника».

— Сиротская зима! — покругил головой бригадир Федя. — Теперь лесовозные дороги развезет, это как пить дать. Да и на делалка-тоже... — Федя грустно повернулся к молчаливому хазену. — Слышишь, Кольчиков, — повалял он, — у тебя какие дела? Норму дашь?

Тот выгреб из пламени уголек, похлал, прикуривая, в темных ладонях.

— Ай-яй... по такой поре боюсь, на махру не заработаю. Кольчиков, вышло мало махнул рукой, нехорошо умежушка. Коричневое лицо его сиярдило.

— На откосе снег жульнул, не держит. А тут еще помощничек не привел господи!

— А что?

— Как сам знаешь...

— Ну что? Ты короче...

— Да как по суду, — горячо и горланно сказал хазен. — Я через завал лезу, паша тут пугается. А Кешка встал в стороне, стоит, глазами лупает.

Сейчас же рядом захохотали:

— Кеша, он свое дело тут знает!

К Шекше отнеслись в бригаде недоброжелательно: люди не любят непонятное. Он появился месяца два назад, поселился в общевойсковой бригаде. Он появился месяца два назад, поселился в общевойсковой бригаде. Он появился месяца два назад, поселился в общевойсковой бригаде.

И вечно с Кешкой что-нибудь приключалось! То чуть было не угодили на поварню под лезвину. То ухитрился разурбить валенок и недолго околдовался в общевойсковой. Сейчас, кутаясь в потерятое пальтишко, он топтался около бригады, шутливо, восторженный.

— Я же не нарочно, я всегда пожалуется! А только его тронуть нельзя. Три-се-эт!

— Кто трясет-то? Кто? — рамажиная рукам Кольчиков. — Душу ты мою трясешь!

— Ну, этот, как его. Провод...

— Дура! — Федя, соли, делая упавку на глаза. — Который день в бригаде, а правильно назвать не получается... Не провод, а электро-набель. Вспомнишь? И в сырную лодку подлагает надевать резиновые перчатки. Появай?

Он сказал это с расстановкой, с грудом сдержанная раздражение: Топше мне, три-се-эт!

И опять захохотали рядом:

— Плохою маршору, известно, всегда одежда мешает.

В самом деле, смешно получается. Федя сморкался горячий окурком, медленно растер его в пальцах. Участок организовывался в начале зимы, а до сих пор еще-то испытывают глаза. Тут все одно и одному: и люди еще плохо сработались, и условия трудные: горы, беднородные.

А теперь погода.

— Вот что, Кеша, — сказал он и длинно плочуил. — Парень ты хороший. Жалко тебя. А только проку не будет, нет, не будет. Жалко кончат ты для нашего дела, понимаешь?

Тонкое, сияющее свечение незаметно истаяло, вылезло сияево. Тайга загустела и расплылась. И тогда из-за гривинтого ельника появились странные фигуры: сугубатый старец в собачьих рукавицах и судая, восставшая женщина.

Десуруб, тоскано, уступили им место у костра.

Старик снял рукавицы. Осмотрел хозяйственно, оууду за пояс. С прильем кашкину в кулак.

— Тайгу, судя, рубите?

— А как же, рубить, — сказал Кольчиков. — Преобразуем, значится, природу.

— Так. Оно и видно, милые вы мои... Не меня плано, но поднимая голову, старик оглянул собравшихся, задержал на Кешке взгляд. И отвернулся.

И отчего-то забеспокоился Кешка. Присела было, хотел что-то сказать, но передумал, резко захлопнул пальцы, уседел к отцу амоборота.

— Преобразуете! — Старик сощурился на пламя. — То-то я и глажу!

Он коротко передохнул.

— Гибнет тайга, прахом пошла красавица! — Он говорил трескуче, задыхаясь, словно боясь, что переубеют. — И зверя нет. Прошла зверь-то. А раньше косачи или, скажем, марала, прямо из ошопка можно было доставать. Да что там!

И тогда, словно вздох, отозвался женщина:

— И ни ягод, ни грибов...

Все это время она стояла за его спиной — молча стояла и безудачно, — и толсе ее провучала гулко и падтресно, словно отауи далекого колокола.

— Ни ягод и ни грибов. Пусто все. И покою нет никому, господи! Пошлился ветер. Тутго шевельнулись кроны, осыпая холод за воротники.

Тогда встал бригадир Федя, низкий, теложурюк. Опрынул под ремнем пальцем. Он недавно демобилизовался и все еще ходил в военном. Сиприся, проделывая слова:

— Вы кто же, собственно, будете? А? Паша? Что-то не пойму я...

— А мы здешние, — с готовностью пояснил старик. — Мы кержани! — Он глядел на шинель. — Кержани мы, старымы то есть... Форма явно приехала на него шпачетлино.

— Мы живем тут, — бормотал старик. — Общиной живем. Ваши грехи замываем.

Старик амачулу стеганым рукавом.

— Во-он, на взгорье, влево от естадыи, видишь? Пять домов. Это самое и есть.

Так, — сказала Кольчиков. — Значится, соседи.

И сразу же поспотылил зыдаль.

Над штабелями, над лаковой черепицей баракос протекала личиобелая струя заката. Побежали с пригорки сырые полосы. Влево от естадыи, окрашенная снег, тускло дрогнула горная отаи.

— Ишь ты, — дернула Федя уголок рта. — А я все думаю, что это за хуторок таков? А тут оно такое...

— Мы старымы! — сказал кержан. Он сказал это рвущимся голосом, заглядывая воздух. — Вы здесь без году неделя, а вон тут, крайний, домишко еще мой отец, Алтунян Силанверстов, а раскопе рубль. Слышу я, слышу я слышать звуки, царство ему небесное.

Он ухватил негнущимися пальцами бороду, опустил глаза — погасил нетерпимый их блеск. Он казался невозмутимым, лишь на левой щеке отчетливо было желвачок.

— Выли времена! — негромко выдохнул он. — Выли... Была Мирская тропа!

И слово эхо Кешки. И, покосившись на него, нахмурился Федя, шагнул к старыку.

— Выла, да прошла! — сказала он. — Какая еще тропа? Ты мне на махру не скажай, ты мне, пашаши, толком скажи: чего ты хочешь? А? Дай срок, еще до твоего хуторка доберемся!

— А мы не вардари, кадем-нибудь, — выдбил бороду старик. — Не знаешь... Да чего тут далеко ходить? Эвои эвучер, мой кронный, Кеша, сидит, дышит табачином. Ты что же, Силанверстов, ровно как проглотил? Деда принавать не хочешь?

Теперь в центре внимания оказался Кешка; баргосые отсветы даялилась на его скулах. Робота глядела на Кешку с недоумением, словно бы видел впервые. Да его и в самом деле таким еще не видел никто.

Кешка молчал, помаргивая. Поперек лба набрякла и разветвилась жила. Упрямое ожесточение сиявило в каждой черточке острого, вышнующего лица.

— Молчишь, паскудеюк! — сказал кержан. — Веру опоганил, из дому выгнали. Ну...

Кешка молчал.

Старик скинул шапку, размашнот ее до земли — поклонился неспешно. Хитрый таежский лещик, он снова стал добродушен и неприятели. Даже улыбку изобразил.

— Ежели чего не так, не обессудите. Мы по-простому. А только гибнет тайга. И вера отговская рушится... Ну, бывайте! — И он махнул сплунце: — Пошли, баба!

И оба шагали они вперед, одна, поостая слегка, и отнимая на взгорье. Они поагагивали, шевельлись. Они казались юнгами и живыми. Теперь они напоминали шмельные гнездо.

Внезапно горизонт придвинулся. Мелко проморосил снежок. Завозлился у ног поваря. Кержани ушлили. Их следы сиятели широко — к смутно. Навстрочку им даялилась ночь.

— Пургой пахнет! — сказал Федя. — Понизу идет!... К утру, должно, приморозит. — Он протрял пальные желтоватые аузы, глянул Кешке в глаза. — Чего примол, слышь? Ты не тупишься. Все воле! Ты веселый гляди!

Он положил Кешке руку на плечо, и странно задвинуло его голос: — Хочешь, Кеша, приходи вечером в красный угол. Картину новую посмотрим, с людьми тебе покажем... Придешь? А то ты, брат, как сурок Нельян.

Кешка улыбался: это было ново. Он весь как-то просветлел и даже ротом стал выше.

— Приду, — сказал он. — Приду!.. Если зовешь... Не со стариками же! У них дорога своя.

Кержани ушлили. Они шагали неторопливо и развешали. По их качающимся вытлым сияням текла пороша. Кержани ушлили. И пурга, разгораясь, слизывала их следы.

НА УРОВНЕ СЕРДЦА

ород в долине спит. Но ночи нет. Поларное лето не знает тьмы. Светлые пустыни улиц кажутся безжизненными. Прозрительна тишина летней полярной ночи — такая ломкая и неварная, что каждое игольное ушко: вот-вот она взорвется. Старый Вудьяврорр, возышающийся над Кировском, нахлобученный сменник на самые уши. Под ним дымят трубы фабрики, петляют вдаль, словно крошечная баушка, автобус — везет на рудник тех, кому заступать в смену. Выступил наткнутой тетиной железнодорожный состав...

Город в долине — как раскрытая книга, в которой вся его тридцатилетняя история. Вот красивая деревянная улочка — она, видно, пришла на смену палаткам. Когда-то была чудо-красавицей, гордостью палаточного лагеря, местной молодежью. А теперь — на задворках новых, многостаяных домов. Вот кинотеатр. Первый в городе. А напротив — широкая лестница к Баллопоскому зданию — Дворцу культуры комбината «Лепитис». Это история. Но это и молодость полярного города...

Юрий Чернов отшел от знака письменному столу. Усталое потел руки виски, сделал пометку в настольном календаре. Вот, похоже, и окончен еще один день. Один из дней, доверу заполненных телефонными звонками, мимолетными и серьезными разговорами, волнениями, сомнениями. Принимая дела от Володы Горкина, секретаря комитета комсомола комбината, уезжавшего в длительную командировку на Урал, Юрий не подозревал, что новая его работа окажется такой сложной. В свое время он выполнял общественные поручения в институте, позже, на комбинате, был членом Бюро. Вроде бы справлялся. И без особенного напряжения. Но уже первый день после отъезда Горкина враз сложная работа секретаря комитета большой организации. Растерянность. Это, пожалуй, единственное, что почувствовал он в первый вечер в этом кабинете, когда умолк телефон и последний человек ушел домой.

Каждый посетитель — это какое-то дело, как правило, неотложное. И от него нельзя отмахнуться. Нужно разобраться, помочь. Производству Юрий больше ни о чем не знал. А людей, как выяснялось, не так хорошо, как он думал и как нужно.

Юрий запер за собой дверь, вышел на улицу. Перед ним просторный состав из руды. «Зу руду», — думал Юрий, — добыли ребята-горняки. Они могут показать на нее рукой: «Мы это сделали,

А как измеряется комсомольская работа? Какие меры для нее? Не поучаешь, не поддержишь в руках, не авасишь. Все-таки куда легче в конструкторской. Итам, завтра рудник... Нужно провести там комсомольское собрание. А о чем говорить?»

...Клеть торопливо дарнулась, и стены стояла равнулись вверх. По темно-бурой породе бежали тысячи маленьких ручейков: высоко на горе таял снег, и вода просачивалась в шахту.

Юрий вошел в клеть последним. Было неудобно в брезентовой робе, жесткой, негнущейся. Шахтерская каска с лампой сдвинулась затылок. Чуть поправил — перевалила лампочка над лбом и каска наплевала на глаза. Привыкнув к полутьме, он стал разглядывать ребят. Заполнотаргидышко сплочави, пережачеными широкими лосками, державшими батарейки для лампы, и глубоко надвинутые каски дали всех пологичим.

Клеть повисла у широкого горла туннеля. Ребята молча раскодились по горизонту.

Высокая фигура на повороте поотстала от остальных.

— Об этом парня я тебе и говорил, — кинул комсорг участка Николай Бочинский, который шагал радом с Черновым. — Борзова его фамилия. Станислав Воронов. Чернов ускорил шаг, окликая: «Слав!»

Воронов остановился, удавленно приглядываясь.

— Задержись словесами, — сказал Юрий. — Есть разговор.

Станислав кинул и поспешил за своей бригадой.

— Единолничник он какой-то, — сказал Николай, глядя ему вслед. — Работать умеет, а старости ребят.

— Почему?

Николай пожал плечами:

— Не знаю... Приглашав в кино — отказывались. Попросили помочь стенографу выпустить — некогда, говорит. Ребят к нему сначала по-дружке, а потом... Однажды собрали денги на подарок — свадьба тут у нас была. Ну, Воронов денги дал, но вроде не хотели приятное сделать.

Перед окончанием смены Чернов сидел в слесарке участка, разговаривал с комсомольцами. За дверь слышались тяжелые шаги. Гравуляса дверь, и механик с порога тяжело выстушил:

— Хлопцев засыпало. Скорей!.. Бочинский бежал перлам, механик чуть сзади. Николай, на ходу поворачиваясь к нему, кидает: «Кого получишь?» Юрий не видел лиц механика и Николая — только пружинящие огоньки шахтера в плотном тумане подземелья. И туман с тяжелым дыханием передвигал: «Бориса засыпало... И Ивана Матвеевича...»

— Ребята так!

— Откальзуют... Славка Воронов, механик поравнялся с Николаем. — Слышь, Славка на скрепера...

— Воронов? Да он же не скреперист!

— Скреперист разгаралясь... Так он его ссадил. И сам...

Шрек был перерезан посреднической здоровенной глубиной, отва-

ливающей от потолка. Там, в глубине штреха, за каменной стеной, двоя. Живы ли они? Что, если глыба не только завалила штрек, но и накрыла их?

Вертелись лебедки. Ребята стальные канатные ленты. Глаза ломали от прожекторного света. Комовое тело вентиляционной трубы гудело от напряжения. Зубья ковш грызли камни, разбрызгивали искры.

Юрий огляделся. Позади скрепера стояла вся смена. В кабине скрепера виднелось напряженное лицо Воронова.

...Сначала они увидели Ивана Матвеевича, через минуту — Бориса. Ребята смотрели на их растерянные лица и молчали. Первым опомнился Воронов, бросился к Борису:

— Что с головой? Разбит?

За Бориса ответил Иван Матвеевич:

— Занол ему на голову упал. Здоровенный кинчик... Он там без памяти был.

— Что ж вы сразу не сказали! Стоят, глазами злогопато! — заорал Воронов. — Насита его к южной штольне. Там на воздухе отдамичи с нимного, потом — вниз...

Воронов смешался с горняками. Он ничем не отпнулся от них. Часом позже они сидели наверху, на старом штабеле крепкого леса. Солнце висело над сопкой.

— Почему сторонился коллектива? Да пойми, не сторонись я, — говорил негормо Воронов. — Просто стечение обстоятельств... Золу ребята на энсурсию или в театр, а я не могу, мне к матери нужно — больная. Как-то не сумел я им сразу сказать, в чем дело. А

они искоре и приглашат переждать. И с деньгами тоже. Мы приехали недавно, нужно кое-что купить и главное — в самоярий путешествие для мамы. Ну, а ребята, наверняка, черт та что подумали... А как было объяснить?

— Ты где скрепером научился управлять? — спросил Юрий.
— В Артемском, на практике. Я же учился на дневном в горном институте. На четвертом курсе. Пришлось перейти на заочный.

— Понятно, — сказал Юрий. И подумал с досадой: «Вот тебе и «жучка», «единичка». Ему по-прежнему нужно было, а мы...» Обещание пропало. И я, и Горчинский, и Николай...
Попытаться найти оправдание: «А откуда мы мы знаем? Нет! Должны были знать. Обязаны!»

Юрий поднялся.
— Пойдем, Слава. Собрание сейчас будет...
— Ступайте в камдулю барак... Знаете, как-то думал Юрий... Вот о чем нужно говорить сейчас на собрании... Чтобы не повторилась такая история, как с Вороновым. А ведь ведь едва не оттолкнули парня от коллектива!»

И часом плыв, подвигавшись из-за стола, взглядывас в десятки оборотных к нему лица, Юрий вдруг ощутил, что растерянность исчезает, уходит. Перед ним были люди, заинтересованные в том же, что и он. Они поймут его, а если нет, то и не поймут. И не важно этого больше. Ведь он не поучает их, а советуется с ними.

Щек дышал пылью и жарко. Душный воздух полн был шумом, обволакивал лицо, набивался в уши, в ноздри. Чернов пришел сюда, чтобы проверить работу электрослесарей. Они работали где-то на верхних пролетах. С высоты хорошо был виден весь цех. Юрий любил смотреть на него сверху — ему, инженеру, было приятно каждое движение этого сложного организма. Он любил слушать чересчур громкий, но такой понятный говор механизмов. Каждый из них имел свой голос — на самых низких нотах плавно гудели печи, дребезжащие гусеницы транспортеры, в некоторых деталях браковали высокие ноты, что казалось, вот-вот сорвутся. Шумы сталкивались, но он умел отыскивать в этом нестройном грохе голос каждой машины.

Сегодня же Юрий вдруг поймал себя на мысли, что не восхитился, как обычно, размахом и мощностью цеха, его по-инженерски тонкой рассудочной разумностью. В пролетах цеха он отыскивал маленькие, казалось, беспомощные фигуры людей.

Электрослесари работали и останавливаются транспортера.
— Юра, к нам? Хорошо, что пришел! — Сергей Яроцкий радостно кинулся на неподвижную толпу. Видишь картинка! Пять минут на ремонт, двадцать — на бетонон.

— Погоди злиться. Объясню толпам...
— Ходю, Юрка Матросов и я — придумали схему автоматической регулировки. Сейчас есть затор электротранспортера, дробится бетон в конкегору, останавливаются бараны. На дорогу — двадцать минут, на расчистку — пять. Двадцать пять минут теряется из-за пуста-

ка. А по нашей схеме: зевло транспортер — бараны автоматически выключаются. Пустить надо — нажала транспортёрщица кнопку, пожалуйста, опять заработали.

Чернов покачал плечами.
— Хорошо. А что же не делаем?

— В том-то и дело! Начальник цеха не согласен.

— Почему? — Юра оглядел ребят. — Момент, ошибку допустим! Нет ошибки. Проверил не раз. Он говорит: «Транспортерщицы с вашими нововведениями запутаются, а отвечать я буду? Цедь, говорю, — стеной, плава не дадут». Как же транспортерщицы запутаются, если они в техникумах и школах учатся? Многие сами такую схему могут собрать.

Другой транспортер, заторопился бараны.

— Двадцать шесть минут. Я засею. — Сергей шеллупу по часам.

— Почему дотронули до его плеча? — Давай чертёж. Я зайду к начальнику.

— Выходит цеха остался за стенами конторы.

— А, комсомолец Заходя, — Маркоро подвинул стул. — Присаживайся. С чем пришел?

— Юрий подошёл ему чертёж. — Схема автоматической блокировки для транспортеров.

— Ага, знаю. Мои электрослесари спрашивают. Так, а почему кинулся? — Пустое дело, Юрий. Экономлю — на грош, а хлопот — выше головы...

— Да как же на грош — побольше? — Ну, будешь ты мне говорить!

— Будю, — сказал Юрий, припоминая лица ребят — буду. Тут дело не столько в экономическом смысле, сколько в моральном. — Юрия, отыскивая нужное слово, — в моральном.

— Это что еще за эффеит? — устало сказал Макаров. — Это ребята помали головы, спорили, работали. Вы думаете, в следующий раз они станут что-нибудь разрабатывать? Не стануть! Скажут, сплеть Макаров отмазает. А может, у следующего их разпредделением будет эффект в миллион рублей, а?

— Макаров хмыкнул, поскреб щетинистый подбородок.

— Слушай, не морочь мне, пожалуйста, голову. Пустое это дело, и нечего вокруг него словеса раскидывать.

Из конторы начальника Юрий вышел злой. «Не убедил, не сумел доказать», — обругал он себя. — А что же делать? Ладно, пойдем в брыз. Только нужно подготовиться получше. Не может быть, чтобы не поддержали!»

Для следующего вечера кабинет комитета комсомола превращался в конструкторскую бюро. Папирный миль повисал под лампочкой; ершались волосы и отставала краска с лба предводителя Юрия Матросова, завалил губами над расчетами Сергей Яроцкий, спорил с Черновым Ходяко.

А еще через два дня, возвращаясь домой после шумного обсуждения, Юра подумал, что один он вряд ли чего-нибудь смог бы добиться. Работа доверили ему защищать их предложение. И он решил, что если задание толпо потому, что они как бы передали ему свою силу. Он не имел права отступить, обмануть дилера Яроцкого, Матросо-

ва, Ходяко, всей дружной бригады электрослесарей. Чернов вспомнил, как часто Заволода от энергии, напористости Заволода Горичинского, вспоминал, что это качества, необходимые для комсомольского руководителя, появляются от чувства ответственности, от ощущения силы, которую передает ему коллектив.

— Сначала «травя» катился по узкому коридору, прозванному стальными ножами бидлодоров. Плахо набумившим шумом, толпой воды. Немного слышно выхлопала вода из потолка. По краям дороги — голые серые глыбы да тундровый мох — красный, синий, черноватый. Потом были березы — тоненькие, беззастенчивые, с прозрачной резкой фольгой листиков, одноклюбо сосенки, оттоавещая право на жизнь у бездонной полнорной тьмы. Озерки глубокой тьмы, голубой тьмы, асина и весенняя дорога — со смешливыми поворотами, с сухой бетонной пылью, с торпко пахнущими придорожными кривыми.

Наверху, на тысячеметровой высоте, где и летом — зима, живут строители рудника. Юра Чернов пробыв у них два дня — смотрел, как они работали, провал комсомольское собрание, стучал коштышками домом, обедал за общим дощатым столом. Теперь, вспоминая, в голову, в город, он вспоминал ребят в футболках и рубях тельняшках, в гимнастерках и ковбойках и думал о том, что настоящая романтика нешумит для тех, кто ее создает. Она в обычных, одноклобных с виду рабочих буднях, когда, напавшая на три пары портянок валенки, завалив тесьмой шпалку под подбородком, ребята с воспаленными, обмороченными лицами, держась за канат — не потеряются бы в бурную ночь. Когда-нибудь они, рванел — идут на смыву. И так же, как и в городе, в городе, когда оглушительная надзвезда на эти свои рабочие будни, они поймут, что это были героические дни. А пока — казал, к черту, горюшка и казал, к черту, романтика, главное — раздобыть электрогенератор!

— Не может быть, чтобы на складе не было генератора, — Чернов открыл дверь склада и комсомольцы попали в царство новеньких, пахнущих слазочным маслом станков, деталей, машин.

— Да говорю вам, нет у меня генераторов. Год назад, верно, получил да забрал их давно. — Заведующий разводит руками, как будто не хотел слышать ребят на склад.

— А мы все-таки посмотрим. — Юра шагнул в глыбу помещения. Очье него было ослеплено по складу, залезали в самые дальние углы, читали надписи на упаковках и станках.

— Братцы! Смотрите, что я нашел! — крикнул, — это из угла.

— Генератор?

— Да нет. Маслораздаточные колонки. А они нам во как нужны! Дефицит страшнейший, а здесь — полно!

— Нашли станки, запчасти, как-то насыли. И когда уже собрались уходить, Геля Вайкстрова позвала.

— Идите сюда, ребята! Есть генератор!

— Юра нашыл датку выпуска — 1952. Спросил у заведующего:

— Когда получили? В том же году? Десять лет на складе! Помните, десять! Пошли, ребята... Подождите!

Все — откликнулись к Гале.

— Я предлагаю переписать все оборудование, простоявшее по несколько лет. Ведь это мертвый капитал! И пусть ответит тот, кто это достал!

— Дорогие товарищи комсомольцы! — сказал заведующий складом. — Закрываю. Мой рабочий день кончился.

Никто — откликнулся один из парней — один раз задеркились. Не слышите...

Юрий внимательно посмотрел на говорившего: «Вот это правильно! Хозяином себя почувствовал. Это здорово!»

Дни смывали друг друга, но распделенные ночной темнотой. Полярное солнце скатывалось к полюсу, повисало над ней, точно отдышка, и вновь начинало свой ход по кругу. Юрий вспоминал, что вошел в ритм, и удивлялся порой, как это он умудряется не запутаться в этом круговороте дел.

Он вспоминал первые дни работы с завывающими к телефону звонками, веревчаткой забавашки, комитет с важными и неотложными делами. Юрий вспоминал растерянность, охватывающую его, вспоминал, как боялся он хоть ненадолго выйти из своего кабинета, чтобы чего-то не упустить, и как старался со всеми делами справляться сам. Ничего не получалось. Юрий терпелся в догадках: почему! Почему растерянность, неудовлетворенность, злость на себя. Он сам себе казался беспомощным. Приходил на работу, собиравшись члены бюро. Юрий высказывал свое мнение, спорил, решал, но ощущение неудовлетворенности со временем становилось сильнее. Почему? Почему кабинет доходяди не сам дала, а лишь оттолкнул того, кто возобладал ребят на рудниках, на фабриках, в цехах. Он понял это, когда в первый раз вышел из своего кабинета и клеть поддала его в темный туннель. А дальше было разочарование с бригадой электрослесарей, с ребятами высокогорного рудника. Он становился сильнее и увереннее в себе по мере того, как узнавал людей, их сокровенные мысли и стремления.

Над горами плыла дым фабрики. Там трудились ребята, которые вчера просиявали над чертёжками, стремились облегчить работу своим товарищам. За фабрикой сиял Юксюрр — горка с заостренной вершиной, под которой в руднике работали Слава Воронов и его новые друзья. Где-то наверху — на плато — неширокая полоса каменной стены, замурованной бетоном, облепленной ледяными смерчами, завали, затерявшейся в облаках тумана. И там, там, там, там суровую душу каменной земли. Ей навсегда отданы их сердца. И Юрий припомнил прочитанные где-то стихи:

Что я знал
О Севере с детства?
Ночь. Упиряжи.
Безмолвие.
Знал, что Север — над
уравном меридианом.
Понял:
Север — на уроне сердца.

Черемуха

Ольга ФОКИНА

Черемуха за старым огородом —
Единственная память об отце.

...Он был тогда безусым, безбородым,
С улыбочкой на обветранном лице.
Колхозный бригадир.

Вернувшись с поля,
Шагал на речку мыться, а потом,
Перекусу ржаного хлеба с солью,
Попено брал, да нож, да долото.
В траву катились стружки-завитушки,
Как волосы дочурным, блонды,
И начинали новые игрушки
В избе сосновой обжимать углы:
И пахарь с плугом, и косарь с горбушей,
И кузнецы, и лодка в два весла,
И пильщики, и иногда в стающей...
...Но тех игрушек я не сберегла.

По веснам спать отцу мешали утки:
Хватали ружье, но приходил им с чем.
Увидел раз черемуху-малютку
Все корни обжимил шальной ручей.
На короточки присев перед бадляжкой,
Руками землю талую разрыл
И осторожно, в носу фуражку
Замыл киселью, кустик посадил.
Помес домой.
Болталось за плечами
С травниками на мушке, дулом вниз
Ружье.
В полях, усевных грачами,
Навстречу поднимался шум и свист,
В деревне, озираясь удаленно,
Посмеивались в горсти мужчины:
— Скотлиси!
А он шагал, смущенный,
И мокрые брызгали сапоги.

Сердился, мать: — Не надорвало шпальси!
Но он, смеясь, ей закрывает рот:
— Хорошая! Нельзя на нас ругаться!
Идем посадим кустик в огород.
...Мы были одинаковы ростом
С черемухой.
Той ласковой весной
Жилось мне так легко, светло и просто!
В канюй из дней в наш тихий край лесной
Пришла война, об этом я не знала,
Должно быть, в толстой сумке почтальон
Ее принес.
И вот отца не стало:

С котомкою ушел из дома отец
Дня его дня все тише, тише, тише
Звезден в доме наш голос,
Все чаще проговала наша крыша,
И от лучины плакала глаза.
На праздник больше не варили пиво,
Для песни мать не разминала губ.
Она утратил стала звать крапиву,
Чтоб оть какой-нибудь толокно суп.
Не мгла красная высохшие руки,
Бессонные не видели глаза,
Когда с крапивой вместе сорп срезал
Черемуховой стеблом урургий.
Но в этот день горныя была ползлеба,
И запал был черемуховой в ней...
Хлебнув, мы ложки попилили робко,
И сразу стали старше и умней.

Потом, до слез ровесницу жалея,
До заморозков я сбивалась с ног,
Тайком от всех из родины Илен
Носила воду — поливать пеньки.
Юным родим Илею называли,
Но делать чудо мадлица вода...
И хлеб, вкусный которого едва ли
На свете было что-нибудь тогда,
Я сбаргала, чтобы им, как хлебом,
С пенником муюю ветвь соединить,
И ленточку шпильника алев
Я выплела — черемуху обвить.
Но были все труды мои нектари —
Не запомать же нистала в октябрь!
И как-то неожиданно:

— Хвати!
Меня хлестнуло около дверей.
— Сядь за забой! Рвать обуки хвати!
Но, от обиды явнее став смелей,
Я возразила матери:

— А тыя
Ведь спросит о черемухе своей!
Не разобрав, мать плачет или смеется,
В большом корыте тискал травья.
Улыхался:
— Тыяка не вернется
И никогда не спросит про нее.

...А новый день был так лучист и светел!
Плясал, и пел, и плакал сельсовет,
И громче всех вакривали дети:
— Сегодня мир! Войны сегодня нет!
Как голубело небо над домами!
Как небывало вкусно пах шесток!
Но в опять не угодила маме,
Воспичнуа:
— У черемухи листок!

...Прислушиваясь к шумным вешним
водам.
Стою в раздумье на родном крыльце.
Черемуха за старым огородом —
Единственная память об отце.
Во всей красе над нею небо маля!
Составляя след свиданья на тая,
Меня седая мама обнимает,
Седую маму обнимаю я.
Вершинного, поднявшейся над крышей,
Черемуха знает об и мне.
Тамого цвета поискать — не слышешь,
Лыством не встретишь гуще и темней!
Но если каждый красоту заметит,
То не любой поверит и поймет,
За что амилей всех запалов светле
Мне этот пранный, горьковатый мед.
И отчего, с черемухой встречаясь,
Я ужою на много лет назид,
И отчего несолово замочено,
Что ствол ее и края и узловат.

И шрамы — знаню музничества и силы,
Слетая память отравивших дней...
Смел, мой отец,
Цести по всей России
Раскидистой черемухе твоей.

ПРАЗДНИК КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Рисунок из газеты «Народная газета» (Волгари).

ГЛОБУС

СЕНТЯБРЬ 1963

Выходит
один раз в месяц
№ 9 (29)
Год издания 3-й

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА «СЕМЕНЬ»

Молодая венесуэльская поэтесса Элисабет Спандолини в Москве Всемирному конгрессу за освобождение разоружения и мир.

Прилетаем миру

Африка в шкуре звериной.
Юная Африка в белой одежде —
Мы приспешим совсемо единой
Всему миру, волной надежде.

Мир в ожелезном и стальной тисках —
Мир возмущенным и гневом наполнен —
Ярко возмущались на аэродроме дороге
Весьмажные зловещие Африки молнии.

Мель, провозвещая сила-слава,
Может что ли удержать в кулаке
Черным злодейством, предательским
Взрывом...

ДИКАРИ
НА РОДИНЕ

СТУДЕНТЫ ОТДЫХАЮТ

В Главном отделе, между
народная студенческая госу-
дарственная библиотека имени
Кавказской государственной
университета туркменского
Урало-Каспийского. Первыми со-
здали студенческие группы
Советского Союза, а также
своей отдаленности. В програм-
менеджерских местах, поселив
чи с польской молодежью.

ПИТОКНИК ФАШИСТОВ

Безо всякого сомнения, это
любом организации — право
младших фашистов — повила
Молодых фашистов посетит
Синтез, а также крупные чиро-
стиноса-демонастрациячи на
на.

«ЖИТЬ ДЛЯ МИРА»

Молодежь провозгласила
ядерных вооружений, чтобы
правительственной организации
цивилизационной молодежи фр-
Эльке (Грузия, Западная)
Со всех концов Запада)
Германии, а также на Западе,
ново Берлина соедя прибуду
заче на протяжении 1963 года
заче атомной войне

В Вилье-Эльке состоится
большая демонстрация, а в
качестве и других городах Фр-
придут участие представителями
Фр-П. Молодежные организации
Вилье-Эльке предвостановит
применить известную заповедь-
германского юности, профессо-
молоды в Фр-П. Фр-П. Фр-П.
молоды в Фр-П. Фр-П. Фр-П.
лоуэри «Жить для мира».

КОСМОПОЛИТСКАЯ ЭКОНОМИКА

Планируя рынок труда, госа-
дид городской доход от района
высшего уровня. Вспомогатель-
самолия на, министр Христиан-
счучю в Софии. Христиан-
ские мероприятия. Их
производство, автономную из-
важно. При этом молодые рабо-
доложные Фр-П. Фр-П. Фр-П.
120 тонн металла, чтобы
мало электротехники. Молодые
характерности образования, восо-
Налавно в летопис. Фр-П.
Фр-П. Фр-П. Фр-П. Фр-П.
представителю, который
предлоуэри «Жить для мира».

Миродия «Победи советских звездных МЛАДЕЖ, братьев А. Николаева и П. По-...»

...на, которая будет оказывать помощь и утешение страдающим поколениям.

Никола Николаевич, строительная рабочая.

Scintilla

«Беспримерный полку ково-
сток» и «Восток» напомни мне всех тех, кто
Родины от врагов.

Вонная пламя эти герои: без них позорение
космоса было бы
Ирисыла ЧРВАНИА, студент.

Scintilla

...МЫ, СТАЛЕВАТЫ, МАК И ВСЕ
НИИ, ВОСХИЩАЮЩИХ СОВМЕСТИЛИ ПОЛЕТНО
РЕЗУЛЬТАТЫ ДОСТИЖЕНИИ НАШИМИ ДОТРОИ
МИ СОВЕТСКИМИ ПРАЗДНИКАМИ НА КАРАБЫНИ
СВЯТЫМ У ВЕЛЮЮ ПОДНИМАЕТ В СЕРД НАУКА
ИЩЕМ КОМУНИЗМА.

Аураля СТАНЧУ, мастер металлургического
комбината в Хулиадо.

I Humanité

«Герои последнего космиче-
ского полета, граждане страны,
которую мы горючо любим и защищаем»
Нилан ВЕЛЬ

I Unita

...СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ИЩЕ РАЗ
ЧЕМУ ОТВЕТ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ОДИН: СО-
ЦИАЛИЗМ ОБНАЧАЕТ, ЧТО ДА КАЖДОМУ
НИКОМУ НЕ ПОДЛЕЖИТ БРАТСТВО ИЛИ
ДЕКАЗОВЫЕ КРУЖЕВЫ. ИЛИ СВЕТСКИЕ ЛЮДИ
АРИМОНИ САМОИНИ

«Мы хотим больше пережить... Заверши нашу борьбу, ребята, со
бразмие в Атланта на съезд Национальной ассамблеи молодежи, со-
прогрессу негритинского населения США, селениями Мартин Лютер
Кинг и др. Мы хотим больше пережить...»
Отвеч на зовущий голос. Мы да мшаем. Но Устава Кинг
зачеить свою роль, как пламя огромного горящего креста, замле-
ного Вулканологами, озарило ориентации.
...Молодые люди, которые собираются на конгрессе, замле-
ли свою собственную сборищу, на которой присутствовали предста-
вители всех американских расовых организаций, включая Ку-
клукс-клан. Совет граждан Луизианы, Легком зашито, истинно расово
националистический. Не удивительно, что собирающие провозгладе под знамен крайнего
«Америка — страна» — вопни-
ный красноречивый — вопни-
ли разоружения, страшу, члены
Ку-клукс-клана сполнились по го-
рому в олимпиах, которые вы
вырете на спелках.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Евгений ДВОРНИКОВ

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

Окно мое выходит в солнце!
И в жизни мне навек дана
не защищенная от солнца —
солнечная сторона.

Но знаю, под какой звездой
родился я,
но ты сиял мне, золотое,
сиял, сиял!
Я выхожу в осенний город —
поют ручьи.
Я прохожу по косогорам —
кричат грачи.
Не научи меня печали,
а вуччи,
чтоб по утрам меня встречал
твой лучи.

Чтоб слыше мне на всех дорогах, —
спереди, сзади!
Окно мое выходит в солнце,
в родимый край.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

МОИ ТОВАРИЩИ

Оборванные, веселые,
месяцами забритые,
любящие жрекое слово,

подругами полубытьем,
в синих лесах потерялся
геолог — мой товарищ,
годами без устал шпаясь
по тропам земного шара.

Небо над ними бездонное,
звездное или синее,
леса летом теплые, сонные,
зимой в вельжном тонком инее
Бродят мои товарищи
над синих озер печально,
по таежным пожарщам,
пропахшим малиной и гарью.
Бродят и улыбаются,
и кто-то из них смеется:
— Профессия приемыльется,
человек останется...

Анатолий ЗОТОВ

От работы устал,
Парня
Изучают Устав
Парня
У стола садятся
Нестрогаго.
Твердо в буквы глядятся
Строгие...

Узнают на себя —
Не знаю.
Но в глазах у ребят
Таит надежда.

Вновь палатки костры
Примокнаю.
На язык вновь остры
Промокши,

Вновь силымы и крепки
Было струсившие.
...И поют у реки
Сныи русельи...

А река
за платиной
Скачет...
Солнце
жалостю лядиной
Покачивает.

И на месте палаток
В ельнике —
Вьсыль — палаты
Крупнопалеальные.

И смеется солнце
За окнами...
А пока что
Лийх сосныи
Около;
И, как черти устал,
Одержиные
Изучают Устав
Жизни...

Рассказы Н. Филимоновой очень напоминают детские рисунки. Они легки и прозрачны. Они лишены сложности построения и возрастной недобротности. В них живут свежесть и непосредственность восприятия. Мир, яркий и чистый, увиден в этих рассказах глазами человека, вступающего в жизнь.

И это не случайно: Натасе Филимоновой, студентке исторического факультета МГУ, всего 21 год. Мы предлагаем вниманию читателей «Смены» первые рассказы молодой, еще никому не известного автора.

Н. ФИЛИМОНОВА

ТЕЛЕФОН

Почему вы не верите, что у телефона есть свой голос? Неужели вы не из устравята утверждаете, что не можете по звонкам узнать, кто вас зовет? Странно.

«Чаще всего у нас в квартире раздаются сумасшедшие озорные звонки, которые будто и не вызванивают, а кричат во всю силу: «Наташка-Наташка-Наташка-а!» Я знаю, это Светлана. И я тороплюсь по коридору, терпя старения тапочки. Я никогда не ошибаюсь.
А вот раздаются звонки спокойные, вежливые. Можно дочитать на ходу абзац или, уже поплывя руку на трубку, выглянуть на площадку — нет ли писем. А телефон будет терпеливо ждать. Терпеливо объяснит, где будут ждать. И во сколько начало свиданья. И спокойно переждет твои напряженные выверты.

Никогда телефон не предостерегает, нагло лаяет. Хочется покликнуть трубку, не начиная разговора. Я знаю, кто это. Я никогда не ошибаюсь. Всегда звонит незнакомые, вежливые. Именно и подождают. Но лучше пойдти побыстрее: дело. Они сообщают, что в домуаривлении собрание, что маму вызывают в школу по поводу Юриных отметок, что торжественный вечер переносится на десерт, что воду выключат на весь день — заспятаясь.

А иногда, какие еще бывают звонки? Бежишь по коридору и бонсишь: сейчас кончатся. Такие они неуверенные. Трубку схватить — так тихо тишина. Дышащая. Тревожная. Черная равнина обидла ухо. Советует мягко: скажи сама что-нибудь. Ты ведь знаешь это. Ты ведь никогда не ошибаешься. Пусть серида куда-то пропадет и перескока во

рту. Я ведь знаю, на этот раз мне не придется передать ничего, кроме дышания.

Грустно, что мне ты делавшь? Какую чушь ты несешь: «Вас не слышно. Перезвоните из другого автомата». «Там не поминитесь, там не поминитесь!» — упорно и выводит короткое гудок.

«Само все знаю», — возвращаюсь на место сердца. — Только если мы с вами все-таки ошиблись, милый телефон... Если мы с вами ошиблись и кто-то действительно звонит из старого автомата. И что, если после совета моего прорвется вдруг произвольный голос: «Эту маггази!» Но ведь этого еще ни разу не было. Трубка молчит. И никто не пытается дозвониться.

А недавно в молчаливой трубке, кроме дышания, ясно услышалась кто-то играет на фортепьяно Шопена. Хорошо играет, один только раз мелодия заигнулась: слышно было, как хлопнула дверь и сердитый голос сказал: «Пфф! высишь на телефон!»

Я рассмеялась. На том конце провода ласковая пасть трубки повторила мой смех. Смех был счастливый. Все стало на место: в испорченных автоматах не играют Шопена и не делают зазвончив. И у нас с утра парит и замиряют гтиничи фортепьяно. Один и тот же солнечный день стоит в низких окнах. Один и тот же мелодия окружает нас. Даже веселый ветер одиноко ревет ниши двери. Все это полетело по правду туда — за два квартала от моего дома. И там в тихой тишине, раздалось неуверенное претивление в потном решительное: «Сегодня уезжаю».

Рисунки Г. БЕДАРЕВА.

Михаил ШАПОВАЛОВ

Владимир БЕЛОВ

Нэзмир ГОЛЛАНД

КРАСНЫЙ ПРАКТОР

В Дикую.

Стоит на ковбейере трактор.
Этот особый трактор.
Высшего класса трактор,
Выкрасив в красный цвет.
В нем каждый винтик проверен.
В нем трижды мотор проверен.
Во всем его корпусе мощном
Малейшего брака нет.
— Стальной лопашка масти...
Сказла мне с гордымством мастер.
(По-видимому, он в молодости
Был на себе пастухом.)
Таких вы машин не видели?
Ну да, конечно, не видели.
Мы их отправляем в Индию.
Гоним большими табуном.
Особый в Индии климат,
Жаркий климат и влажный.
И гибнет любая краска.
Ржавят машины. Но вот
Добился, что красная краска
Выдерживает ту изурядку.
Поэтому и готовят
Красным их завод,—
Я слышал рассказ с интересом
Не по причинам такта.
Мно показавшись понаемому
Неумудрый трактор при трактор.
Сделав у нас в Волгограде
Этот индийский бог...
Я подошел и поглядыва
Степняк его бок.

ШХУНА

То про рифы, то про дюны
Пионерский спорил лагерь
И ронял, что будет шхуна
Поначалу на бумаге.

А потом из тонких реек
Мы построили шхуну,
Борт промазан и прокрашен,
Нос, как острое копые.

Парус в небо. Пахнут рыбой
Белоснежные буйки.
Мы повторим все изгибы
Этой узенькой реки.

Эхнажк отчали, лодок,
Ружья в краске и смоле.
И, конечно, нет девчонок
На сервомном корабле.

Возмущенно реют косы.
Ленты плещут на ветру.
В синих трусиках матросы
Отплясывают поутру.

Вдалеке растаял парус,
Шумный берег опустел...
Ожидание осталось
Восмысливающим в уале.

Над рекой огни мерцают,
Звезды Дрешины горят.
Спит, обижено вздыхая,
Стирших девочек отряд.

Я сойду на безмылной станции,
Что известно
Альп безмылным книготком.
Помышу
Промытые экадри
И наверхника
Мальчишек босиком.
Помышу
Фанарирующие дачникам:
«Самшала,
Обязаружил
Какую-то
Ручья
Со своим потертым чемоданчиком
И я отдала кадоров
Полойду.
Встану
В теплогрящую очередь.
Распущусь на банке
Презагодном почерком.
Улыбнется мне
Девчушка конопатая:
«Вы шфером?
Вам
В окошко
Патоса,
А назавтра —
На рассвете сервотом —
Вырулю
Под коши
У экскватора.
И вперед —
Стремительным рылком —
Полечу свистящим большаком.

Я оттила трубку от уха и пригнула Юре, маленькому одеревеневшему пинисту: «Завали коть на минуточку! Не слышно мне ничего». «...«Куда уезжайте?» «Поезд отходит в час ночи», и трубка неуверенно смолчала. Потом еще неуверенно спросила: «Придешь?». Очень твердо я ответила: «Приду».
Десять папек сигарет «Дерби», маковый рулет, «Время летит» отпустила дождик поперек морозам, носов, зубной пасты. Мамовый рулет испекла моя мама, «Дерби» я нашла, забегая всю улицу Горького, «Время летит» отпустило я ему и так хотела дать почитать.
И смотрела, прошло уже четыре дня. Два раза тревожила мемуардогров. Думаю, это Аняк зvonила из Горького или дядя Коля из Имерова? Нет, я сразу узнала. Я никогда не ошибаюсь.

ПОСТАВИМ УТУ

Я могу понять фанатистов, филуменистов, нумизматов могу понять. Но могу понять туристов. Нет, я тоже люблю пить в элентричке, играть в «подкидного» на чай-то чемоданчике и пить чай в хвойной димну. Но азимуты, маршруты.
Иногда по мягкой гниющей тропинке вдоль лиловой луны и дышится. Пахнет натрещавшей оловой, печеной картошкой, травой. Братцы, зачем мне сейчас маршруты, азимуты? Дисциплинирует! Ну хорошо, пойдём по азимуту.
Дима, а зачем мы идем в обратную сторону? Надо так! Мы не заблудились! Дим, почему бы нам не пораспрострить дачничко? Зачем нам это задание? Из всего класса один ты турист. Скажем, нам нам дойти, а сам шагая по своему азимуту. Печет ведь, и есть хочется. Черт побере, мы уже третий раз выскочили на эту проселку!
И месту общего сбора мы давно опоздали. Давайте отщеплю полнину поспелости... алячичи поидем, истер разозленом. Почему одной выскочили? Не можешь лететь? Что тебе, красном с один снимать? Наполнкой заднее веток для даченном. С шимпанзе. Да не с этими, прошлогидном, а с красными. Осторожно, напад! Ответит! А зачем ты, собственн, залеза турал? Посмотреть, где общий сбор?
Ребята! У Димы циркулы уталяли. Он нам помогал, а они у него на сервину ручья. Скорее...
Димну вынимают из воды и сушат у костра; вода все-таки еще очень холодная. Он сушит ее спиной, прислонившись, и роняет. Ручищется несложная система переладки, нигитон заливает огонь, из зольи выгладывают картошки. И парвет, как пахло у нас дома, когда я впервые раз глядела свои рубашки. Пытается реставрировать очя, Димна наступает голый пятком на горячие угли. Он вскривается и убегает в лес, лечится. Он турист. Он знает, что от чего помогает. Минут через десять он появляется на нашей полянке. Слегка прихрамывая, мушкетерно прохрустывает ногой. Одна ступня его обернута в огромный бледно-зеленый лопух и перекидана шгалатом.
Несколько секунд он сидит и делает вид, что не слышит, как мы зо-

вем его играть в волейбол. Сидит и разглядывает палец, прорвавший лопух. Потом он подводит и волейболистам и начинает приставать к глюкозю. Намчонь должен проглотить таблетку. В походке так полагается. Уме на станции, когда мы сидим посреди платформы на рюкзачках и поем, он угасает оставшейся глюкозой мозгу. Она гуляет на приемы у заброшенной колес и ужимает пыльную травой. От глюкозы она не отказывается и, свиную последнюю таблетку, вымандраче смотрит на Димичи и наклоняет голову. В этот момент раздается: «Элентричка! Наша элентричка!» И Димна торопится к платформе, размахивая руками. Несильно руку вскривает его на платформу. Мозг подкашивает сиди, Элентричка трогается, оставаясь на пыльном перроне серогриной рюкзак. Мы не спрашиваем его. Мы привыкли.

Сегодня, в 10 часов вечера, закончил последний опыт из первой серии предварительных лабораторных работ по исследованию тунгусских образцов. Агелла и обобщения приводят к выводу, что Тунгусский взрыв имел ядерный характер.

Почему? Да потому, что зона лучистого ожога деревьев почти равна зоне вывала леса. А ведь при обычном взрыве она была бы в 10 раз меньше зоны вывала леса! Расчеты показали, что доля световой энергии Тунгусского взрыва составляет около 30 процентов от общей энергии, что характерно только для ядерного взрыва.

При обычном химическом взрыве на световое излучение расходуется всего несколько сотых долей процента полной энергии. Эти данные дали возможность определить, что первоначальная температура в области взрыва составляла несколько десятков миллионов градусов. Восстановив температуру при взрыве, свидетельствовала об огромной концентрации энергии в малом объеме. И еще: если зона древесины тунгусских деревьев начиная с 1908 года снизилась заремками искусственными радиоактивными элементами.

25 декабря 1959 г.

Закончил отчет точно к назначенному сроку. В отчете приводятся следующие основные данные: высоте взрыва не менее 5 километров; полная энергия взрыва — $4 \cdot 10^{23}$ эрг, что эквивалентно взрыву 10 миллионов тонн тротила; световая энергия взрыва — $1,2 \cdot 10^{23}$ эрг; доля световой энергии от полной энергии взрыва — около 30 процентов, то есть такая же, как и при ядерном взрыве. Первоначальная температура взрыва — 40—80 миллионов градусов. Отчет отправлен в Академию наук СССР и в Комитет по метеоритам.

14 января 1960 г.

Я остался очень доволен: наш отчет рассматривался в Академии наук СССР, и что самое главное и важное для меня — на заседании ученых-физиков была отмечена правильность методики наших исследований, правильная методика исследований всегда должна привести к истине, к разгадке изучаемого явления!

28 мая 1960 г.

Ознакомились с рецензиями на наш отчет, полученными из Комитета по метеоритам. В них полное отрицание научной ценности нашей работы. Самую большую рецензию написал К. П. Флоренский. Взрыв космического тела в воздухе и особенно то, что именно взрыв послужил причиной вывала леса, являются для Флоренского не доказанными и весьма сомнительными. Ему, оказывается, еще нужно выяснить, что вызвало вывал леса: взрывная или баллистическая волна. Он не считает доказанным наличие лучистого ожога в Тунгусской тайге.

14 июня 1960 г.

Закончила свою работу IX метеоритная конференция в Киеве; семь докладов на конференции были посвящены Тунгусскому метеориту.

Самым важным результатом конференции по тунгусскому вопросу является, на мой взгляд, признание взрыва космического тела в воздухе. Впервые высказанное в 1946 году предположение А. П. Казанцева наконец-то, 14 лет спустя, официально признано на теоретической конференции. Автоматически и неизбежно признается световой ожог деревьев как причина пожара в районе катастрофы. Старое положение о кратерообразующем метеорите сменяется при ударе о землю, противоречит фактам и опровергнуто.

В качестве новой гипотезы на конференции была высказана мысль о том, что Тунгусский «метеорит» представлял собой ядро ледяной кометы, которое могло взорваться в воздухе при скорости около 30—40 километров в секунду.

[ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА]

Однако такая большая скорость тела не является доказанным фактом. Я выступал в прениях. Говорил о малой скорости Тунгусского космического тела, о радиоактивном календаре, о стимуляторы роста растений и световом ожоге деревьев.

Однако эти соображения не были приняты во внимание. Критика нашей работы была столь уничижающей, жестокой и необоснованной, что превратилась в свою противоположность: она породила во мне еще большую силу и сопротивлению и продвижение нашей работы.

12 июля 1960 г.

После признания взрыва Тунгусского космического тела в воздухе вместе со старой гипотезой о кратерообразующем «метеорите», взорвавшемся при ударе о землю, становится неубедительной и новая гипотеза о ледяной комете. Дело в том, что по кометной гипотезе космическое тело должно иметь большую скорость. А по нашим данным, это как раз не так. Поэтому центральным вопросом Тунгусской проблемы теперь стал вопрос о скорости космического тела. Если она была порядка 30—40 километров в секунду, то тело могло взорваться в воздухе из-за быстрого испарения за счет разогрева при торможении. Если же скорость была втрое меньше, то тело не могло взорваться за счет энергии своего движения. Стало быть, нужно искать другую причину взрыва. Тело могло взорваться за счет внутренней энергии самого тела — химической или ядерной.

Думаю, что нашей главной задачей должно быть выяснение вопроса о характере Тунгусского взрыва: ядерный или не ядерный? До сих пор нет ни одного факта, который бы говорил в пользу большой скорости Тунгусского космического тела.

18 августа 1960 г.

Сегодня держал в руках не что-нибудь, а подписанное решение об организации экспедиции в район Тунгусской катастрофы 1908 года. Наконец-то мы едем и даже не едем, а летим со скоростью «метеорита» к месту его катастрофы.

1 сентября 1960 г.

Наконец закончили подготовку экспедиции для работы в тайге. Сегодня на вертолете прибыли на зимку Кулика. Вертолет — замечательный транспорт, особенно для тяжелых грузов.

Благодаря настойчивому вторжению техники в техничный быт мы имели необычный для этих мест вид. Я вышел из вертолета в обыкновенном городском костюме, с чемоданом в руках. С чемоданом в тайге! Раскажи и такое кому-нибудь десяток лет назад, никто бы не поверил. Сегодня это привычно и не вызывает удивления.

Так же, как и в прошлом году, мы встретили здесь другие экспедиции. Они уже закончили свою работу и выходили из тайги. Этим летом в тайге работало около 70 человек — вот это размах!

6 сентября 1960 г.

Наш первый маршрут — обработка Северного радиуса. Его длина — двадцать километров. Затем пройдем по пятнадцатикилометровому Западному, семнадцатикилометровому Восточному и двадцатипятикилометровому Южному радиусам. Затем еще семидесят километров до Ваняры. А сколько до разгадки тайны? Сто? Тысяча?

Задача у нас на первый взгляд несложная: «познательность» дерева — спилная, забирая образцы для исследований радиоактивности и годичных колец. Попался «сухойстой» — лиственница или кедр, обожженные тем загадочным пожаром 1908 года,— еще интереснее: а вдруг это как раз то самое, заветное! Спильная, а внутри разгадка, словно в волшебной сказке!

Нет. Здесь не так. Здесь труд, поиски, надежды...

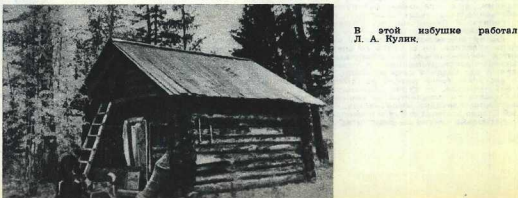
8 сентября 1960 г.

Находи и удачи, наверное, всегда приходят неожиданно. Так было и сегодня, на четвертом километре Северного радиуса.

Молчаливые деревья, высокие и стройные, угрюмо хранили тайну, лишенные возможности рассказать о ней людям. Мы пробрались молча. Вдруг прямо перед собой я увидел белый ствол березы. Корявый и невысокий, всего метров двадцать, он носил следы давнего ожога. Старая живая береза! Было чему радоваться. Раньше никому из нас не приходилось слышать о березах в эпицентре, которые пережили бы взрыв и пожар. Это была первая. Но, радуюсь находке, мы и не предположили, что стоим рядом с ключом и разгадкой одной из тайн взрыва!

Наторопило, словно раздумывая вслух, Константин Дмитриевич Янковский, старый, опытный лесничий, принимавший участие еще в экспедиции Л. А. Кулика в 1929—1930 годах, а теперь работающий в нашей группе, сказал:

В этой избушке работал Л. А. Кулик.

белый ковер снега, золото пожелтевших листьев и вечная зелень елей, сосен, кедров.

27 сентября 1960 г.

Скоро возвращение. Закончено обследование трех главных радиусов: Северного, Западного и Восточного. Сделаны пометки на записку Кулика. Лагерь разбили на пристани у реки Хушма — это уже на пути в Ванавару. Последний поход на Южное болото принес удачу. Равнина неоднократно высказывалась предположения, что это болото образовалось в результате падения метеорита. Так ли это? И вот мы идем по болоту. Прошли примерно половину... ступили на твердую землю. Под ногами и на корнях земля. Откров поднимался всего на двенадцать—пятнадцать метров над окружающим пространством. Он представляет собой участок сухого осново-лиственного тавяного бора, что подтверждает его тесную связь с материковой тайгой. Бор сбегает по склону холма и почти без всякого перехода «кныряет» в болото.

На вершине холма — остатки старого стоибища. Главнейшие догадки продлили земнические тропы. В некоторых местах тропы «кныряют» в болото, идут по дну, выходят на другую сторону. По какой же причине произошло затопление котловина: в результате взрыва или как следствие естественных причин? Это пока неизвестно.

Никто из нас не встречал в литературе сообщений об этом острове. Поэтому на правах первооткрывателя с общего согласия мы дали острову имя «Космический» — в знак того, что рождению его способствовали аномальные силы.

4 октября 1960 г.

За сегодняшний день прошли 35 километров. В семь часов вечера были уже в Ванаваре. Первый вопрос, которым нас встретили ванаварцы: «Что же это был за взрыв? — метеорит или межзвездный корабль? Однако отвечать на этот вопрос еще рано: нет достаточных данных.

Главнейшая особенность Тунгусской проблемы заключается в том, что космическое тело не упало на Землю, оно взорвалось в воздухе. Взрыв произошел при очень высокой температуре, все вещество испарилось и рассеялось на большой площади. Сначала его очень трудно найти. Но и собранный материал показывает, что метеорит или комета так взорваться не может. Здесь явление гораздо сложнее.

Мы надеемся, что наши исследования помогут разобраться в этой великой и сложной тайне Тунгусской тайги.

22 октября 1960 г.

Закончилась наша вторая экспедиция, сегодня улетаем домой. Как и в прошлом году, впечатлений очень много и еще больше роста. Но на этот раз мне хочется отметить не только результативную, но и методическую сторону исследования.

Метеоритная экспедиция 1958 года под руководством Флоренского обнаружила аномальный прирост деревьев после катастрофы и объяснил это явление действием света и удобренных. Вывод был прост: все ясно, изучать нечего.

Мы считаем, что в результате Тунгусского взрыва образовалось вещество, стимулирующее рост растений. Наличие стимулятора, образовавшегося во время взрыва, ставит ряд новых вопросов. Какой это стимулятор? Какова его природа? Что это: химическое действие или радиоактивное излучение? Можно ли какое-то вещество получить в земных условиях? Если да, то как применить его для ускорения и усиления роста растений? Какова возможная роль стимулятора в народном хозяйстве?

И вот два вывода, основанных на различных методах, дают диаметрально противоположные результаты. Один вывод останавливает дальнейшие исследования, другой дает новое направление для дальнейших исследований — порождают новую, самостоятельную задачу для биологов. Кто из нас прав?

[Окончание следует.]

Продолжение. Начало см. в № 17.

— Раз береза жила, значит, пожар был слабым. Листья у нее немалые, сидела же жаро не выносит. Береза, как правило, гибнет гораздо раньше, чем другие деревья.

Так вот оно что! По ливнистичному, пережиганной катастрофу, трудно определить температуру, при которой они погибли, а по березкам это сделать оказывается, легче. Я сразу перевел эти факты на язык параметров взрыва. Константин Дмитриевич подсказал такое, что нам и не снилось: возможность определения координат Тунгусского взрыва — той неизвестной и, может быть, злобной точки, в которой произошел законченный акт великой катастрофы!

Действительно, зная общую энергию взрыва, эквивалентную самим — десяти миллионам тонн тротила, можно оправдать расстояние от точки взрыва!

Известно, что береза погибает при 100—120 градусах. Я тут же сделал предварительный подсчет. Температура у поверхности Земли в эпицентре атомного взрыва, произведенного на высоте 600 метров, равна 250 градусам. Атомный взрыв создаст температуру в 100—120 градусов у поверхности Земли, если заряд взорвется на высоте 1 200—1 500 метров. А эквивалентный термодериват взрыва, равный по мощности Тунгусскому взрыву, создаст эту температуру при высоте взрыва около 6—7 километров. Стало быть, высота Тунгусского взрыва была не менее 5 километров. Если бы взрыв был ниже 5 километров, то береза погибла бы. Высота взрыва, вычисленная по этим данным, совпадает с высотой, определенной по размерам области стоячего леса.

Мы с любопытством посмотрели вверх, отыскивая в голубом небе тавянискую точку, из которой падает два года назад, а божьим образом вращающаяся Земле ударил окруженный заряд. Но небо было чистым и безмолвным...

Зато лес... Нет, лес не будет молчалив. Он основной свидетель катастрофы. Поэтому именно он, погибший, сохранившийся и выросший вновь, поможет раскрыть загадку.

21 сентября 1960 г.

Погода замечательная: в этих северных местах давно пора быть снегу, а все еще ярко светит солнце, тепло. Теперь уже мы исследуем Западный маршрут. На первых трех километрах обнаружили интересное явление: часть деревьев, стоящих на корню, подверглась световому ожогу, другая — нет. Таких деревьев здесь много — целые рощи. Видно, здесь было какое-то своеобразное жаринирование. Что-то заспичило многие деревья

от огненного луча. Надо искать причину... На четвертом километре пути нас встречает кедр. Он необычен: сучков, погубившего 52 года назад дерева сохранились верхние ветки! Янковский утверждает, что при обычном верховом тавяном пожаре у вспыхивающего, как свеча, кедровника никак не могут остаться ветви.

Спиливаем дерево. Оказалось, что и обгоревшие ветви необычны: среди обожженных много совершенно не пострадавших от огня. Значит, тепловой луч проник «завязками», обжег те ветви, которые не были защищены соседними, играющими роль местного экрана.

Что ж, друзья скептики, и это не аргумент в защиту светового ожога! Крона кедров в три-четыре раза плотнее, чем у ливнистички. Если поставить рядом три кедров, снизу не увидишь неба. Видимо, поэтому чередование ожогов мы встречали только у кедров. А их, отмеченных эти своеобразным знаком, очень много в эпицентре взрыва, в области стоячего мертвого леса.

Было четыре часа дня, мы уже хотели возвращаться «домой», как вдруг словно что-то толкнуло в грудь, и я даже остановился: воздух нас быластая, пережигавшая катастрофу и совсем не поврежденная тайга. Не отдельные экземпляры, а сплошной массив живых, хмурых и диких в своем молчалии деревьев!

Быстро спихнули одну ливнистичку. В волнении кинулись к сразу... Так и есть: бросился в глаза аномальный прирост. Годичные слои начиная с 1908 года шире старых в два с половиной — три раза. Сам по себе этот факт прироста не нов. Еще в 1958 году была обнаружена подобная аномалия. Тогда К. П. Флоренский объяснил ее увеличением притока света и удобрением почвы после катастрофы.

Но здесь-то вымала не было, тайга не тронула Световой режим не изменился, удобренный не прибавился. Значит, на увеличение прироста повлиял какой-то новый, еще неизученный фактор, начавший действовать после взрыва 1908 года! Что за таинственный стимулятор роста, образовавшийся в почве, и как его найти!

22 сентября 1960 г.

Нам требовалось «взять» последнюю точку на пятнадцатом километре. Утром встали — тайгу не узнать: кругом бело от выпавшего снега. Идем молча, выныривая осмаривая окрестности и любясь природой. Трудно описать, как красиво в тайге, когда выпадает первый снег. Какое сочетание красок! Обычно в природе бывает сочетание красок одного или двух сезонов. А здесь вокруг нас

О том, что произошло более полудесяти лет назад, знает только тайга...

Фото автора.

Анатолий Евреев принадлежит и понасленно, детство которого оборвала война. Присваивая звание в 1941 году, он стал военным инженером. Воевал лейтенант Евреев в Сталинграде, Калининграде, Ленинграде... Такова судьба Героев, разрушенных войной, неиспрямленные дороги, непогода. И вечное движение вперед. И юность, почти мальчишеское любопытство что там вперед?

А вперед было еще много всякого. Жизнь складывалась нелегко. После большого периода труда батрака в учебнике, садится на работу инженером рабочей специальности, шахтером, сумевшим на богатейшей шахтерской базе... Мобильная Средняя Азия, Доинженерский бассейн... Сам шахтер, он стал горняком. Жизнь в шахтерских поселках, работа в шахлах, а в свободные часы — читать, раздумывать и мечтать, выдумывать и переносить.

Сейчас Анатолий Евреев работает оператором пульта на гидроудрине в Донбассе. Предлагаем вниманию читателей один из первых его рассказов.

АНАТОЛИЙ ЕВРЕЕВ

В ПУТЬ

РАССКАЗ

ША ступенькам военкомата сидел Сашка Иванов. Увидев меня, он встал, отряхнул брюки мешком, надвинул ее на лоб и уморо сказал:

— Наконечно-то выясил, а я уже хотел бежать к тебе.

— Нить пахнет?

— Нет, штука посерьезнее. Деэзертира сопроводить будем.

— Куда?

— В город, на пересыльный.

На моем лице, видно, появилось замешательство, так как Сашка спросил:

— Боишься?

— Боюсь, — признался я.

— Не дрейфишь, как боишься? Деэзертир — значит, трус.

— Откуда он выясил?

— Лейтенант Соловьев утром снал с поезда.

С фронта удара, знаешь? Откуда ж ему быть?

На фронте деэзертиры не бегают.

— А ты его видел?

— Нет, ни в каком убежит.

— От нас не убежит. Получим карабин и поведем. Он испердит, мы сиди. Чуть что — стреляй.

Сашка был самоуверен.

На крыльце появился лейтенант Соловьев. Загорелый тыловики, он не пользовался уважением добровольцев, многие из которых переехали оккупацию и знали о войне больше него. Лейтенант не имел ни сражен, ни медал.

А в носу значок ГТО, служивший всегда поводом для насмешек: «Соловьев тотчас к труду и обороне, во его берется тут же гитлер Берлина. Там он себя покажет».

Но до Берлина было еще далеко, и Соловьев служил в военкомате и на фронте не торговался. Лейтенант посмотрел на часы и сказал:

— Получайте оружие — и на станцию. Иванов, зайди ко мне, возьмишь документы арестованного.

Сашка и лейтенант ушли, а я остался на крыльце. Много прошло воды этого крыльца митеринских слез. Когда проговорила в армию Витяку Маслова, его мать заплакала и прерывала, как о покойнике. А когда призывников постреляли и повели на станцию, долго сидела на крыльце, не в силах подняться. А Витяка тогда бласел бы и слюнки и толком жаловался, что «слонор с продуктами слишком тяжел». Скоро возьмут и меня в армию. И моя мать будет плакать так же, как и Витяшка. Лучше уж ей сюда не приходите.

Вышел Сашка с двумя карабинами, а за ним и сам деэзертир. Я представлял его громадным детинкой, обросшим бородами, с блуждающим взглядом, в откровенной, без погонной и пояса пижаме. Но к моему удивлению, это был обыкновенный солдат. В плащеке злаякая звездачка фронтовика. Вместо откровенной пижамы почти wholly былшит, пережатый солдатским ремнем. Лишь чисто выбритое. Серые глаза смотрят спокойно и уверенно. На вид ему

лет тридцать. Обыкновенный солдат. Взять такую ружья и бы не осмелился.

Сашка протянул мне карабин, и мы тронулись в путь. Солдат вперед, мы шата на два сагды. Шла молча. Сентябрь 1944 года был короткий. В садах поспевала антоновка. И не верилось, что где-то ждут боя, умиряют людей. Из этих мест война ушла навсегда, оставив после себя несколько сожженных хит. Больших боя в нашем районе не было.

Первым знакомым деэзертир:

— Был я во всех переделаках, а по конвоем еще не приходилось.

Я подумал, что и мне с Сашкой не приходилось быть конвоиром, но говорить об этом деэзертиру нельзя. Он сразу поймет нашу неопытность и попытается ударить. Я посмотрел на Сашку. Тот подумал: слушай, мол, что давай врать будет.

А деэзертир продолжал:

— Шкура был лейтенантчик, тыловая крмыс. Таких на фронте распространяют.

Мы навострили уши: мне и Сашке было любопытно, что скажет деэзертир о Соловьеве.

— Я ему по-русски объясню: догоню жену, а зинелки отпустил меня капитан повидаться с женой. Родом я из Пензыровского района, а зинелки проходили через Пензыку. С самого начала войны не виделась с женой, а тут случай вышел. Фронтовики это понимают, а такому ругать не дают. Говорят, никто не отпустил, видно. Да в Курск стоим мы, говорю и ему. Поэтому и отпустил, что весь день шелом в Курске простоять должен. Но в Курск он меня не повез. Конечно, ему выгодней сидеть меня на пересыльном как деэзертира. Скажут, не ситт кот, змейши оловит».

Мы же заметили, как поравнялись с солдатом, встретные носы бы подумали, что провозом из отпустил старшего брата.

«Как узнать», — мучительно думая я, — врет он или правду говорит?»

— Повидай жену-то? — вдруг спросил Сашка.

Солдат вздохнул:

— Подослел я к дому часа в три, ни свет ни заря. Стучусь. А у самого сераде прыгает: вдруг из-за двери отозвется какой-нибудь бас и спросит: «Чем тебе?»

Сашка повнимательно усмекулся.

— Жду у двери, — продолжал солдат, — и такой напал страх, какого не испытываю даже в первом бое. «Кто там?» — спрашивает, а у самой толос дрожит. Стоим рядом два родных человека и боимся друг друга. «Да это я, Степан, отрой». Сказал и сам не узнал своего толоса. Открылся, кинулся я к ней, обнял, а она — как в Тению севка.

«Что ж ты стоишь, проходи в комнату! Зажига каганец. Смотрим друг за друга. И она ж и не она. Глаза жалдые, измученные, а что в душе, не вижу. Пробжал — курски: «Может, ты есть хочешь?» — а сама плизит по плу-

стам чужукам. «Нет, Надя, не хочу. Времени у меня только два часа». «Боже ты мой!» — А на стене ходилка тикают. Спокойно, как до войны. Подвела меня к постели. Там пятнадцать дочек. Разбудить хотела, разбудила, глаза увидеть. Да подумал: не узнает, испугается.

Легла мы с Надей на полку. Ходики тикают, коптит каганец, посыпавая в постели дочка. Все вокруг в каком-то тумане. Да неужели это я, со своей женой, у себя дома? А в окна уже летят рассвет и ходики показывают, что два часа на исходе. Может, остаться еще за час? Эшелоны и Харьков догони. Но знаю, проидет и этот час и закончится остаться еще, а там еще и еще. И чем дольше буду дома, тем труднее будет уйти из него.

«Пора», — говорю я Наде и начинаю одеваться. Вышла из вешенного мешка все, что в нем было съестного, да и пошла на станцию. Она провожать кинулась. Да не люблю я бибых проводков. В слезах осталась. Ну, а в поезде и сидела меня был лейтенант. Знал бы, не торговался.

Солдат замолчал. Молчим мы с Сашкой. Что тут скажешь? Чувствуем: не врет солдат, — а помочь не можем.

Наконец Сашка ахнул:

— Бабы, они летают.

Но солдат и не слышал Сашкиных слов, думая о своем, или сделал вид, что не слышал. Промолчал.

— Три года воевал со своим полком, — вдруг проговорил он. — Таких, как я, у нас наперекрест. Всю войну мне везло. Даже ранен не был. А приходилось бывать в таком пекле, что и не думаа выбирать. А вот почему жив остался, не знаю. Может быть, мне под Берлином суждено погибнуть. Нет, как не примай, райши поможного не убьют. А теперь вот, валиши на пересыльном и жди, когда в другую часть заберут».

— Под Берлин и мы устием, — сказал Сашка.

— Сколько вам лет? — спросил солдат.

— Семьдесят.

Солдат усмекулся:

— Возраст почтенный. Только Берлин, наверное, бас вас возьмут».

— Без нас не возьмут, — сказала Сашка.

— А тебе разве хочется сложить голову под Берлином?

— Складывать голову я не собираюсь ни под Берлином, ни за Берлином.

— Убитые тоже не собирались. Каждый надеется, что пронесет. Матрость такая есть в людях, вот и у тебя она, и у меня, и у него.

И смюк как-то сразу, вспомнив, видно, что идет под коповом.

— Ну и как? — вдруг выпалила солдат. — А совесть-то чиста? А недоразумения и пожуе бавают. На Орловщине ослободили как-то село и расстреляли старосту, а он с партизанами был связан. Хоронили с постелью. А человека-то нет. Виночки тоже нет. Ошиба.

От старого вокзала отчалает только холм, за-

Рисунок В. ЮДИНА.

рошений бурьяном. Теперь вокзал помешался в хлам деревянного строения, вадал от путей. Крыльцо в подсолечной шлеухе. Огромные тополя неподвижны.

На Москву прошла товарный. На платформах побитые тележки. Солдат проводил их взглядом, вздохнул, и сел на крыльцо переубаваться.

Рабочий поезд «Пошеры — Курск» шел не торопился. В вагоне сидел молча. Солдат смотрел в окно, думал о чем-то своем. За окном волна черным стегозащитную полосу. Смотреть на них совсем не интересно, и солдат вряд ли видел их. Может, он вспоминал короткую встречу с женой или думал, как будет «загореть» на пересылке. А может быть, побитые тележки на платформах напомнили ему о тех неподбитых, которые поезжают по полям войны.

А в дума о том, что скоро и нас повезут на пересылку, в этом же поезде. И что вместо карабинов у всех будут большие рюкзаки с продуктами на десять дней. И сопроводят нас будет лейтенант Соловьев. А потом будем вальсировать на жестком парке, ожидая, побитые разберут нас по полкам. А потом... Что будет потом, об этом думать не хочется.

На соседней скамейке разговаривали две бабы.

— Два месяца не пишет Федор. Не знаю, что и думать, может, убит? Тогда похорошную должны прислать. Как ужину почтаюва, так сердце замирает.

— Должно, ранен, иначе бы прислал. Они эти похорошны аккуратно пишут. Навиши в часть, должны ответить. У меня сестра в городе получает вездуно. Пыльца была, прости господи, а все одно жалко. Так она теперь вещи его водрует на тоачке.

И вдруг я подумал, что и я могу погибнуть в этой войне. Но представить себя убитым не мог. Зато ясно представлялось, как мать проедет мои вещи на тоачке, и от этой мысли стало жутко.

Чтобы отвлечься от страшных мыслей, толкнул Сашку:

— Хватит спать. Скоро Курск.

— Но лениво поднялся голос и так же лениво протянул:

— Не брешни. Еще Букреевску не спровекали.

И от этих обиденных слов стало споконверше. Определенно, Сашке можно заводить: он не думает о разной чепухе, как я.

В Курске поезд остановился у деревянного вокзала, такого же грязного и интернационального, как и на нашей малельской станции. Третьяк не ходил. Предстояло пешком через весь город добираться на пересылку. Солнце уже село, и город погружался в сумерки. Мы вышли из вагонов, и солдат вдруг сказал:

— Ребята, а может, мой шлопан еще не ушел? Давайте похаживать по путям. Минутное дело.

Ни я, ни Сашка, да и сам солдат не верили, что шлопан еще может стоять в Курске. Но отказать солдату в этой просьбе мы не смогли. Сашка, как старший, сказал:

— Ладно, пошли.

Путь был затронутоженными составами. Прогонимось пролезать под вагонами, даги вадья вагонов и снова нырять под вагоны.

— Неужанг ушел? — говорил солдат, ожидая владом новой состав. Он уже верил, что его шлопан должен быть где-то рядом, и ему казалось странным, что он не может никак его отыскать. Его вера передавалась и нам.

— Сейчас мы его найдем, — сказала Сашка. — Обязательно найдем, — повторила она и первым пошел под вагон.

В это время вагон дернулся, и Сашка еле успел высочиться на ту сторону. Мимо поехали вагоны свитанного поезда, и мы с солдатом ждали, когда поезд пройдет. Зарва романа: смотрела на окна, на красивые кресты, которые в сумерках казались черными. Сашка что-то кричал с той стороны, но что — разобрать было невозможно. А поезд быстро набирал скорость, увлекая людей в тыл. О чем душно солдат, смотря на вагоны с красивыми крестами, я не знаю. Но мне подумалось, мыслы у него в это время были несвеселые. Как только последний вагон прошел, Сашка перебежала к нам и крикнула:

— Там, за составом, стоит воинский шлопан. Может, и не твой, но других больше нет.

И мы снова полезли под вагоны и увидели шлопан. Телушки с солдатскими платформами, накрытые брезентом. Словом, обычный воинский шлопан, идущий на фронт. Также мы видели много раз. Но на это смотрели, как на что-то доселе невиданное. Здесь когчалась надежда.

Мы глумили на солдату. Солдат смотрит на телушки, на платформы. Мимо пробегает офицер. Уже настало темно, что не различили, сколько звездочек на зеленых погонах. Он освещает нас карманным фонариком и обращается к солдату:

— Тебе, Пушкарев, особое приглашение нужно? Сейчас отправляемся. А это что за партизаны?

Солдат облычно вздыхает и почти шепотом произносит:

— Он!

— Кто он? — не понимает офицер.

— Да шлопан наш, товарищ старший лейтенант. Капитан Кушнарев отпустил, когда стояли в Пошере, повелеть жезу. Да вот задержали в дороге. За дезертира принял.

— Ясно, — говорит старший лейтенант. — Быстро к штабному вагону. Капитан Кушнарев там.

Штабной вагон — обласнованный телушка. Дверь открыта, на столе горит фонарь «елушечая мышь». За столом сидят офицеры.

— Товарищ капитан, Пушкарева привели. Из-за стола быстро поднимается плотный мужик без фуражки и похаживает к двери:

— Слава богу, а я уж думал, не отпустила тебя жена.

— Товарищ капитан, задержала меня...

— Не обомалось, значит. Ну иди, иди, сейчас отправляемся.

— Славабо, ребята, — говорит солдат и уходит в темноту.

— Товарищ капитан, нам печатать и подписать нужна, что задержанный сдан, — говорит Сашка и подает ему документы.

— Это мы сейчас. Достань-ка, Маркиш, печатку...

В это время шлопан дрогнул, и мы на ходу капитан подаа Сашке сопроводительную, заверенную печатку.

Мы стояли и смотрели на телушки, на платформы, накрытые брезентом, и вдруг услышали пощелкивание.

Ушел солдат. Ушелся поезда. Уехала туда, откуда ему обязательно вернуться — с победой.

Когда событие такого плана и масштаба, как VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, отходит и прошло, оно не скрывается за горизонтом истории, а еще долгое время находится в поле зрения современника, прикладывая к себе их взгляды, мысли, сердца. Большое лучше видится на расстоянии. Проходит время, и наступают такие моменты, когда каждая черточка прошлого помнится еще очень остро и отчетливо, но уже все эти отдельные черточки и штрихи, сливаясь воедино, составляют полную и грандиозную картину.

Полтора месяца отделяет нас от VIII Фестиваля. Память еще крепко держит: знакомую рукожатую, улыбки, радостные кивки согласия, приветственных финских слов, повторенных с сотней акцентов, танцевальных выходов, высочайшие прыжки на гранитного пола хельсинкских площадей. В памяти, как на фотопленке, навек заветлены лица, выступавшие на VIII Хельсинки в эти десять дней. Тысячи лиц, тысячи глаз. Нельзя забыть родимые глаза сияющей кубинки; открытые

тех, кто приезжал в Хельсинки на VIII Всемирный, хочется назвать именно «делегатами». Потому что юности и девушки, собравшиеся на фестивалю, — молодые рабочие, крестьяне и студенты, артисты и спортсмены — ощущали свою ответственность перед товарищами из дружины, перед всем своим поколением, перед человечеством. Как никогда раньше, они понимали важность дела, ради которого собирались.

Фестиваль был не только знаменательным праздничным юбилеем, он был смотром силочных сил молодежи в борьбе за мир. Посреду особенно важно и показательно, что VIII Фестиваль явился самым представительным форумом в истории международно-молодежьего движения.

Человек, когда ему двадцать лет, исполнен неудержимого оптимизма; он убежден, что счастья не может не быть. Человеку в двадцать лет трудно говорить, что кто-то сознательно готовит войну, наусаживает смерть на него, на всех людей. Но те двадцатилетние, кто приезжал на фестиваль, знают самую страшную правду. Они знают, что мало того хотеть мира, за мир надо бороться.

в общесте, невероятной. У меня не уладывалась в голове, как могут существовать люди, ее гонимые. И, конечно, знал, что она есть. Но, видимо, просто знать — мало. Надо их встретить.

Вчера я столкнулся с этим пыльным обломом: нет, они не страшны и даже не опасны, просто мерзки. Но вот те, кто стоит за ними, кто платит им, и вкладывает в руки камень, и учит грязному слову «антифестиваль», — вот эти опасны. Я думал вчера о близких как о дороге парня. Ведь они уже жертвы войны. Значит, война здесь, рядом. Мы в ответе за то, чтобы избежать смерть не выражалась из клетки. Но мы в ответе и за те жертвы, которые положит война, если не став мировой катастрофой.

И еще одно, последнее высказывание об антифестивальщиках. Оно принадлежит американцу, которого я часто встречал на пресс-конференциях. Не берусь сказать точно, какую именно газету он представлял. Мы не обменялись визитными карточками. Мы столкнулись поздно вечером на улице Александрия. Только что здесь пыталась

стала еще большая сплоченность участников фестиваля.

Программа фестиваля была наполнена семинарами, коллоквиумами, дискуссиями, встречами. Рагозов шел о многом. Но прежде всего и всегда о мире. Нет такой проблемы, затрагивающей молодежь, которую можно было бы решить, оставив в стороне этот кардинальнейший вопрос эпохи.

На фестивале был дан отпор волевым или невольным апологетам буржуазной пропаганды, стремящимся утончить вопрос о мире в пацифистском болоте.

Пацифисты не хотят замечать, где развигают горнило войны, где куют меч, а где шит, тем самым они отвергают самые главные аналитические вопросы бизнеса. Они упывают на мягкое сердечие там, где нет нищеты, кроме злобного расчета дельца, на порядочность — там, где это слово считается синонимом глупости. Пример принципиального подхода к вопросам борьбы за мир был дан в выступлениях представителей советской молодежи. Самая действенная форма борьбы за мир — это активная поддержка лагеря мира, его миролюбивой инициативы. Имен-

СВЯТАЯ РАБОТА

всему миру, расширенные хмелем праздника глаза гвинейского барабанщика; сироты, темные глаза испанского подпольщика; остервенение в трусливой злобе, пылые глаза фашиствующего курчака (как котенок бы вылизывать этот ковар из плечки!); удивленные, как бы навсегда застывшие в недоверии глаза американской студентки из Висконсинса; совсем еще мальчишеские, усталые и твердые глаза юного коммуниста из ФРГ.

Многое держит память. Но сегодня, отбывая и сортируя впечатления, слышание, понятие, осознаешь, что главное на фестивале — это то, что не закончилось в визуальное десять дней, а лишь началось и продолжается, охватывается, происходит сейчас, — это распространение фестиваля на всю планету, это победное шествие фестивальных идей. И в этом смысле фестиваль можно сравнить с мощным синхрофазотроном, испускающим поток чистой невидимой энергии. Фестиваль стал Великим Ускорителем передовых идей молодежи.

Прошло полтора месяца с того дня, как от освещенного трюмпа корабля Кайлокуйто отозвала ярко украшенная шхуна с фестивальным знаменем. Еще не все делегаты вернулись на родину, чтобы доложить последние их новости от успеха своей миссии, об очередной победе сил мира. Но и сегодня уже ясно: влияние фестиваля неириски. Фестиваль трудоголбо работает на Мир!

Слово «делегаты» не часто употребляется в отношении участников фестиваля. Поняв эту связь и буквальный значени, оно и неграмотно здесь. И все-таки

Американцы радостно возбуждены: им предстоит встреча с советской молодежью. Автобус доставил гостей к причалу «Груша».

Я помню парня, приехавшего из Греции. Он называл себя Никосом. Ему было семнадцать. Он говорил:

— Когда я родился, та война уже отгремела. Я не слышал вой фугасов и не видел горящих домов. Но вы думаете, я не знаю, что такое война? Каждый день моей жизни был отравлен ее дном. Война не ушла из моей страны с сорком шотам. Для меня мир — это когда из Греции уберутся американцы, когда захлопнутся двери за последним солдатом НАТО.

Другой парень — посланец молодежи народной Болгарии, Грива, сказал так:

— Войны всегда казались мне,

устроит гадяще разубабливая компания «анти». Они разбежались, завидев возвращающуюся с концерта группу советских танцоров. Посмотрев вслед «анти», американец хмыкнул:

— Жалкое зрелище.

— Вот как! — заинтересовался я. — Вы так считаете?

— Мы шипим, что фестиваль — это коммунистическая пропаганда. Но, ей-богу, лучшая пропаганда вышла идей — эта шипана. Понимаете мое своего прага, и я сказал, кто ты. Трудно работать.

Корреспондент, кажется, искал сочувствия. Но, видимо, для антифестивального результата вылезок антифестивальников

но такую позицию и заняло большинство участников фестиваля. Нельзя оставаться слабым, зависящим перед лицом военной опасности, перед лицом откровенных проповедников ядерной войны.

Взятельность сегодня нужна как никогда — об этом говорили участники фестиваля. Быть бдительным — значит быть сильным. Святая обязанность каждого молодого борца за мир — удержать мощь лагеря мира. И поддержка всей передовой молодежи земли — лучшее свидетельство этой мощи.

Почти каждый раз, когда участники фестиваля обсуждали проблемы мира, в разговор

ЕТ НА МИР

А. ЕФРЕМОВ
Фото А. ПОТАПОВА.

мрачной тенью на слово «мир» ложилась слово «империализм». Чаще всего его произносили молодые люди, приехавшие в Хельсинки из стран Азии, Африки, Латинской Америки. Молодежь этих стран все отчаянное понимает, все острее ощущает на собственном опыте, что политика империалистических стран не может не быть хищнической и агрессивной. Эти страны не могут рассматривать семена войны. И пусть не рассчитывают империалисты, что мир, которого так жаждут народы, — это право спокойно грабить и наживаться за чужой счет. Народам нужен справедливый мир, опирающийся на национальную независимость всех стран нашей планеты. Почему в Нью-Йорке и Бонне так боялся фестиваля? Да потому что, когда молодой бразилец встретится с кубинцем, а молодой грек с болгарянином, личный опыт каждого из них перестает быть просто личным опытом, он становится школой борьбы и жизни.

В двадцать лет человек широко

ко расправляет плечи, он упирает в себе силы и верует в них. И в нем просыпается большое желание отдать эти силы благородному и нужному делу. И еще он хочет, чтобы ему не мешали. Не мешали пользоваться своими руками и своей головой. Он хочет учиться. Он хочет работать. И для всего этого ему нужен мир. Он приезжал в Хельсинки, чтобы сказать свое слово в пользу мира. И он понял здесь, что мало желать мира, за него нужно бороться ежедневно, нужно разоблачать его врагов, нужно всеми силами поддерживать тех, кто стоит за тобой рядом. Когда он возвращался из Хельсинки, фашисты бросали ему из-за угла: «Коммунист!» Но пусть он еще не имеет права на это звание, он не отвергнет его. Он начинает понимать, что последовательная, принципиальная борьба за мир, за права молодежи неудержимо ведет его к коммунистическому мировоззрению.

Идея фестивалей падают по планете.

Фестиваль побеждает!

Никогда еще жители Хельсинки не слышали столько жемчужных песен, смеха, шутки. Фестиваль наполнил город весельем молодости. ↑

В едином полете сомкнулись белые, желтые, черные руки — хороший дружбы на Олимпийской стадионе в день открытия.

О. КОЗОПОЛЯНСКИЙ

За окном шумит Черемхово. На территории грохочут вагоны с отработавшей породой. А здесь, в тишине кабинета, negrocko звучат слова: «Поздравляю тебя с получением билета. Храни его крепко. Как до тебя крапиви. Вот глади!». Это тоже комсомольский. Видишь?»

Собственно, то, что бережно держал на ладони секретарь Черемховского горкома ВЛКСМ, не было книжечкой, которую свазываешь со словом «билет». На колготке сарога, а теперь сплошь побуревшей от засохшей крови и времени обложке сохранился неровный столбец букв. И внизу — единственная уцелевшая полностью надпись: «ЦК ВЛКСМ». С внутренней стороны пухи вырвали почти все сведения о том, кто получил билет. Кроме даты — январь 1941 года.

Сказав бурные пятна пробавились буквы. Имя — Ян. И часть фамилии — Каневс...

Нет! Это не просто билет лежал на ладони секретаря. Это была легенда. Легенда, которую вскоре после войны привез вместе с билетом сюда, в Черемхово, даноблизовавшийся капитан. Началась она в 1941 году.

Бои и годы стерли имена. Но легенда сохранила главное — великий подвиг людей.

Я рассказываю так, как услышал тогда, несколько лет назад, от секретаря горкома Виктора Попова. Так, как она живет во мне. Легенда о комсомольском билете.

— Ну, держись. Сейчас начнется!

Он обернулся к говорившему. Тот лежал, давив тело в дно окопа, и напряженно глядел сквозь щель бруствера в поле.

— Меня держись. Я лягу, и ты ложись. Главное — до брешней добраться бы в целости.

Чтобы увидеть бревна, надо чуть приподнять голову. Страшно... В треске и грохоте палыбы самый страшный звук — тонкое, на одной струне, пение пули, прилетающей оттуда. Кажется, каждая летит в тебя.

То, что называли хутором, который надо взять, находилось метрах в ста пятидесяти. Вчера там было пять домов. Он их уже не застал. Слышал, сосед говорил — были дома. Был там, говорят, и колодец. С деревянным журавлем. Теперь ничего нет: ни домов, ни колодца, ни журавля.

— До брешен непременно! — еще раз прокричал сосед — Там и укрытие и обстрел. Бревна лежали на полули и обугленным разваленом крайнего дома.

— Ишь ты, балые канеи! — неожиданно сам для себя сказал он громко. — И ланут еще крепко. Сосна...

Сосед его, бывалый солдат, удивленно обернулся.

— Ишь ты, зеленый! Запахи различаешь! Помяни мое слово: раз смерти не боишься, жкой будешь. Сам-то пашник, что ли!

Какой там пашник! Два месяца назад в первый раз тесину обстругал. До этого в школе учился. Приехал к отцу в деревню помочь дом строить. А вообще-то в институт хотел.

На мигнула.

Эх! Неделя всего поработали. Только-только крестовину сложили. А в воскресенье — война. Так что какой он пашник! Может, еще будет... Даже никуда... Только это потом. А сейчас надо добраться до брешен, обязательно надо добраться!.

А чего — и джебжит! Вон и сосед — он

опытный — говорит: не убьют. Он-то знает... По окопу апологолся команда: «Приготовиться к атаке!»

«Эх, хорошо бы покосере войне конец! Может, еще успел бы в этом году в институт. Или хоть отцу помочь дом срубить».

Неожиданный крик «Блере-ей!» оторвал его от земли, как пушинку. Вскопид во весь рост. Исчезло поле. Исчез хутор. Впереди были только лежащие грудой белые бревна. Только бы добраться!... Краем глаза увидел, что и справа и слева сон пожатся. Услышал крик: «Ложись, зеленый!» А зачем «ложись»? Вот они, бревна, рядом...

Среди тысячи выстрелов ему бы слышен только один. Этот. В мигу прыгнул от него туда, за бревна. И не допрыгнул.

«Эх, зеленый! Полшага бы...» Широко-скулистый солдат сунул руку в его нагрудный карман. Достал серую книжечку, «Всесоюзный Ленинский...» Два бузвы вырваны пулей. Переложил билет в свою гимнастерку. И побжал дальше, зло включившая в землю туже подковы сапог.

Под вечер выпала тихая минута. Намыс, видно, отчаялся отбить высоту. Широко-скулистый лежал на спине, изнывая от боли в груди. К нему подошла старшина:

— Пить хочешь, Сергей! Полей.

— Не-е... Раненый говорил трудно. От напряжения и боли на лбу и у виска заснивали выпуклые жилы. Сказали: — Билет в кармане... Возьми...

Молодой достал побуревший и липкие бузмы.

— Комсомольский? Тот!

— Тот-о... Зеленого, поминишь? А теперь вроде и мой... Кровь наша перемешалась...

ЛЕНДИ
ОТ КОМО
БИЛЕТ

молодой достал из кармана что-то завернутое в тряпочку и сунул это второму:

— Уходи. Я задержу. Грамоту мне отдай. Пошли в сторону не найдут. Это возьми. Там комсомольский билет. Друга моего. Сбереги...

Он пошел, пока у орешника, где остался молодой, не грохнула третья граната. Последняя. Потом тишина. И чужая речь. Не уйти... Достал билет. Кроме него, в карманах ничего не было. Подумал. Увидел на билете пробочки и уже решительно оторвал от билета пробочки. Спрятал в карман билет. Попробовал полати дальнее и потерял сознание.

— Вместе с другим пленным его загнали в пахучий лошадиным потом вагон. Лязнул засов. А через час колеса начали лязгать: «Ю-ю-ю, ко-ко-ко».

В темноте кто-то наткнулся на щель, пробитую лошадиным копытом. Озвучил: «Дыра...» Потом хруст досок заглушил все звуки. Казалось, хруст сильные все звуки. Сердце задрожало от страха: услышат те, кто на крыше. Но обошлось.

Бежать решили все, у кого хватало сил и мумизма преодолевать страх перед разнузданными стучащими железными копытами. Остались только те, кто не мог подолжить к пролому. Они с тоской следили за уходящими. Им было страшно оставаться здесь и ждать конца ночи, прихода конвоя и почти неизбежно расставать за дерзость ушедших и собственную слабость...

Молодой лейтенант из курсантов, вместе с которым солдат провалился две суток в воюющего вагоне, в вагоне остался, потому что остался только те, кто не мог подолжить к пролому. Они с тоской следили за уходящими. Им было страшно оставаться здесь и ждать конца ночи, прихода конвоя и почти неизбежно расставать за дерзость ушедших и собственную слабость...

— Ну, не поминай лихом. Ужожу... Адрес хоть дай. Записки. Может, кто нада? Не сомневайтесь — передадим...

— Что же передать? Звездочку с него имени сорвали. Нашу пол подкладки билет. Прославил, что оставил.

— Вот. Сына моего билет. Передашь нашим. Иди...

Лейтенант повис на руках в черном провале. Солдат закуривши. Он боялся услышать крик, обозначивший вескую находку.

А когда вновь открыл их, в проломе металась лишь темнота. Колеса вагона ликовали: «У-шел, у-шел...»

— Только на пять суток лейтенант и еще один беглец добрался до края болота.

Стас Кружковский не умал читать по-русски. Собственно, и по-польски-то он едва научился недавно. Уже здесь, в лесу, слабого паниче училища. Его выбрали командиром отряда не за грамоту, а за ненависть к шабам, храбрость и знание леса. Тридцать лет без малого крутился он тут егерем у ясновельможного, будь он проклят...

Стас перебирает вынутые из тряпочки бумаги. Их взяли у русского, что приполз из болота с товарищем. Стас берет в руки сверток. Да, обложка — это обложка... Мый профиль. «Линин! Почему он в крови? У русского нет рамы. Значит, чужой документ. Зачем взяли?»

— Фусско, как придет в себя, сюда приведи. Да скажи начальнику, чтобы осматривала того, второго. Плохо он. Сласти надо. И кто по-русски может, пусть придет... — командует Стас заместителю...

Почти год провали, рубские в отряде. Они оказались живыми убитыми. Словно нет для них смерти. Лезут на самые опасные дела. И всегда вдовом.

Немцы уже прислали по русским из отряда в отряд. За их головы общию по двадцать тысяч. И за голову самого Стаса еще двадцать.

Только пока летят головы шабов. Правда, становится все труднее выходить к дороге для диверсий. Но отряд Стаса жалит немцев все больше и больше. А русские отличаются больше всех. Не зря их так ценят шабы...

Стас в который уже раз достает из нагрудного кармана курью серую, кинемому. «Бессознательный Ленинский...» Частушка вырвана. Стас уже знает историю этого билета, знает, почему русский лейтенант всегда носит его у сердца. Только когда он уходит в раз-

ведку, оставляет билет на хранение Стасу. Если случится беда со Стасом и русскими, билет должен взять самый храбрый. Стас знает, что отступив, никогда не имеет быть хранителем этой серой кинемки.

— Стой! Кто идет?

Орикс часового долетел до костра. Солдаты на всякий случай готовили оружие и настороженно уставились в темноту. Капитан передового подразделения Советской Армии встал и зашагал к часовому.

Через несколько минут он вернулся в сопровождении трех парней, одетых в форму Польской освободительной армии.

— Соседи наши, Поляки, — пояснил он. Солдаты молча раздвинулись, давая место пришедшим.

— Гость уяснил. Капитан внимательно смотрел на них. Один из них, видимо, старший, проговорил:

— Дело до вас, другар. ВЛКСМ у вас есть? Вопросы прозвучали неожиданно, как показало, смешно. Солдаты заулыбались.

Капитан кивнул головой.

— Комсомольский есть.

— Какое.

— Что показажит! — Капитан нахмурился.

Было непонятно, что нужно этим гостям.

— Документ.

— Не спрашивающего тут же поправил второй поляк:

— Билет.

— Это зачем же?

— Надо. Очень просим. Капитан отступил левой кавалерийской гимнастерки и выложил билет.

— Ну, вот...

Поляки встали и внимательно осматривали его. Потом вдруг выткнулись в струю и приложили руки к фуражкам.

Затем старший, расстегнув юкель, достал из внутреннего кармана небольшой сверток и протянул его капитану:

— Вот.

Капитан медленно разворачивал пленку. Солдаты сгрудились вокруг, чтобы разглядеть почетный пропуск, который прислал поляк.

Капитан осторожно взял и положил на ладонь маленькую кинемку. Тонче, несколько сплюснута листочком, лежащих между двумя пробитыми в нескольких местах переплетами. Переплет был бурого цвета. И только в одном месте сохранилось светло-серое пятнышко с буквами «К ВЛКСМ».

— Так это же комсомольский. Честное слово! — вынул кто-то за спиной у капитана.

Капитан кивнул головой и тихо спросил у поляков:

— Чей билет? Откуда?

У костра стояла тишина, нарушаемая только треском горящих основных сучьев.

Глуховазат, слегка напряженный от желания похвастаться пропуск, невпринявшие русские слова голо поляк рассказывал о принесенном билете...

— Второй раз билет пробрала пуля, когда русский вместе с другим прикрывал отход партизан, прихватил к болоту карателями, — говорил поляк. — Лейтенант был убит наповал. Его друг, с которым он приполз в отряд, нес его тело до болота.

Темно, отход друзей — мертвого и живого — прикрывали поляки. Но первый болото им не удалось. Они остались там. Оба.

Билет унес кто-то из поляков: сам Стас. Билет был тяжело ранен еще раньше.

И сынов билет, имя владельца которого стерло пули, продолжил свой путь к победе. Он еще дважды был прострелен, прежде чем дошел вместе с этим бывшим партизаном, а теперь капитаном народной армии до костра на освобожденной земле.

Что же, это конец легенды? Нет. Глаза на парня, выходящего из кабинета секретаря горкома с новым комсомольским билетом, я подумал и этот парень и сотни тысяч его сверстников в восточных концах нашей страны строит сегодня тот дом, который замыслил строить легенды. О котором они мечтали. И который им не пришлось достроить.

Они продолжают легенду...

Рисунок В. КАРАБУТА.

А письмо — мое. — И вдруг замолчал, стих. Молодой глянул еще раз на билет, вместе с письмом уложив в свой карман, застучал кляпан. В стороне кто-то тревожно шептал: — Отходит приказано. Немец с флага обожил...

Стоило лето 1941 года... Врэг спешил. Это называлось «блицкриг». Брэг был уверен, что прижмется к земле, отужоженной гусеницами, случайно оставшихся в живых уже не встанут. Но они встали. И с боями, как и этот отряд, пробивались на восток.

За те сутки, что шли под аккомпанемент боя, люди как будто окрепли. Надежда сменялась уверенностью, что теперь-то дойдут. И вот, когда до линии фронта оставалось каких-то пять — десять километров, напорились на фашистов. Надо было успеть скрыться в лесу, переждать там до наступления сумерек, а затем одним броском выходить к своим. Но это отодвинулось меньше часа.

Мало! Надо было минимум в два раза больше. И поэтому люди знали: кто-то должен остаться на краю перелеска, придержав немцев.

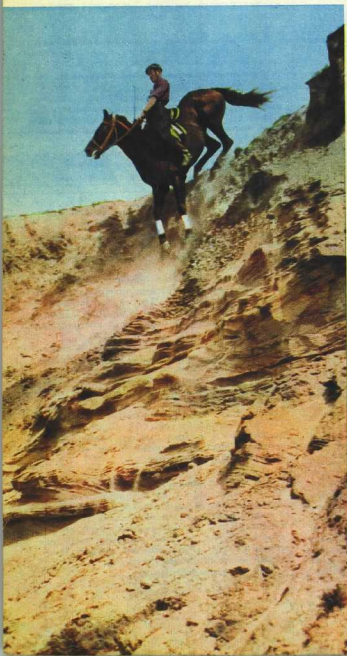
Осталось десять человек. Ошеломленные неожиданным сопротивлением, гитлеровцы сначала залегли, а затем отползли назад, к противоположному краю поляны. И так несколько раз подряд.

Время было выиграно. Отряд исказ в наступивших сумерках. Немцы пошли в последнюю атаку. Но отстраниваться уже было некому. Только двое оставшихся в живых уходили к лесу. Пожойкой раненый солдат таявело опирался на плечо беззубого куцеравого парня. Ранены были оба. Но молодой держался крепче. Их нагнали на половине пути. Тогда

КРОСС — УДЕЛ СМЕЕЛИХ

При езде по песчаному откосу главное — осторожность.

Сбура, господствующего над полями и переясками, дорогам и тропинками, видна вся arena борьбы. Совсем близко речушка, весело поблескивающая под лучами солнца, и у ее излучины скопление зрителей. Иредко, когда всадник скрывает густо растущие мушты, оттуда доносится дружный свист (значит, спортсмена постигла неудача — испутил лошадь, да и сам адромель завалил воюю). Когда он все же управляет с этой неумудреной претрадой и повалелся в поле зрений, даже издалиа акрию, какой он мюпый, а из сапог льется вода ручьями. Но всадник не а обиде на зрителей! Пусть свистят! Искупался! То ли еще бьядет на конном кроссе...

Кросс. Не ищите в программе номинал соревнований такого номера. Его нет. Вы найдете твоеборье, а в нем раздел под сухим и ланоичным названием: полевые испытания. Но а комплексе этих трехдневных составлений — кросс — центр, средоточие главных усилий спортсмена, вершина для номинала-твоеборья.

Прежде чем всадник выйдет на старт кресса, он должен благопо-

Разминка перед стартом.

←

Гр. ТИМОВИЦКИЙ

Фото А. ЕРКОВА
и А. БУРДУКОВА.

лучно миновать первую ступень состязаний по троеборью — минимую езду. Сама аллюром, повороты, остановки — все это задача вынослив. Ведь если лошадь не понимает всадника, не слушает его здесь, разве можно допустить ее к другим, более трудным и опасным этапам?

После первого дня строчил шеф в судейских протоколах поинтересоваться, как было оценено мастерство спортсменов и наказы их «важных расчетов» с соперниками. Но главные слезы впереди. И с уст не сходит тризвучная фраза: «Кросс решит». И тогда каждый постарается вспомнить хотя бы один из многочисленных случаев, когда кросс спугнул все карты, опроверг все прогнозы. Ну и пример с астраханцами, которых кросс свалил чемпионши по троеборью на Олимпиаде в Риме. Будет правдивой областью.

Все, конечно, волнует вопрос: какова трасса? Сейчас она закрыта, и до сигнала стартера ни один спортсмен не имеет права с нею познакомиться. Но вот судьи приглашают участников познакомиться с трассой, с характером и рас-

положением препятствий. И они пойдут в непривычно для конников пешим строем. Схватят семи километров. Будут останавливаться у каждого из препятствий, прикидывать возможные подходы к ним.

Кросс — это 28 препятствий, прыжковых и стиртовых. На подъемах и спусках. Перед бровом и после бровя. Над канавой, в канаве и на выходе из канавы. Широим, рысочим, широко-высоким. Расставлены они то близко, то далеко друг от друга. Всадник должен проехать 7,5 километра и затратить на это... Вы видите, что чем

меньше времени, тем лучше! Это правильно только отчасти. Да, кросс — это не только препятствия. Это скорость. Скорость и еще раз скорость. Майяда самоходный секунд обочивается на финише заманчивым поощрительным баллом. Но до определенного предела. Этот предел установлен судьей ради сохранения здоровья лошади.

С высокого бугра видна большая часть трассы. Видны препятствия. Они массивны и добротны. Не собьет лошадь мерью, не разорвут сделанную человеком пре-

Трудным был кросс, предложенный участникам недавнего чемпионата страны. Конечно, не все преграды одинаковы. Но индустриаль. Вот забор из мерью над канавой. Сильно всадников потеряло здесь неудачу! То лошадь не мчет на препятствие, зажимается, как говорит конники. И если она трижды не послушает всадника, не пытай снова счастье, — ты снес с соревнований.

Не вините во всем коня. У него спортсмена парад трудных препятствий задрожит сердце, дрогнут руки. Не рассчитывай тогда на успех. Кросс — удел смелых.

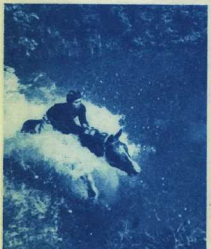
Десятки преград — искусственных и естественных — встречает на пути всадник.

Вниматель! Сейчас будет дан старт.

И такое случается на конюне кросса.

Смелее в воду! Задача — быстрее преодолевать очередную преграду.

"МЕРТВЫЕ АРГУСЫ"

К Всесоюзному совещанию

Мне часто вспоминается война, красивые ее бесчисленные глаза подростков в цехах, грохот ружацкой аэриды. И плакат.

«Что ты сделал за победу?» — властно спрашивал этот плакат каждого...

Проходили годы. Вспомнил никак битье отрясаив мир, и на каждом перекрестке нашего пути мне казалась: глаза человека с того военного плаката строго оледявшими ряды бойцов армии коммунизма:

«Что ты сделал за победы?»

Так будет всегда. Ибо никто не может укрыться от бурь века, схватки идей века — победоносной и прогнившей — вступила в решающую стадию.

С человека всегда спрашивали совесть, эпоха: с кем он?

Глубина нашей впадины

Раговор о внутренней настроенности поэзии, о характере лирического героя стихов не чисто теоретическая проблема. Это прежде всего проблема политическая. Это — решение вопроса, на кого работают стихи, какие идеалы, чувства, настрои души несут они молодым.

Еще и еще раз хочется говорить о смысловой емкости образа и стиха. Это очень важная проблема, от решения которой зависит, насколько глубоко «падает» поэт: идет ли он в глубину бытия или фиксирует лишь внешние приметы действительности.

Один образ Э. Межелайтиса — пепел Освенцима:

Этот пепел, который разносится с ветром,
Был главным, смеялся и плавал порой.
Был губами, улыбку, музкой, светом,
Подсказкой был этот пепел смерти...

вместает многие жизни и многие раздумья.

Нельзя сравнивать выдающегося мастера с молодыми, но пример этот поучителен.

Возьмем, скажем, стихи способного поэта Николая Карпова из последнего номера «Юности» за этот год о будущих полетах к звездам:

Задумчиво-грустные
Лица землян,
Когде
Как тыщачье лет назад,
Уходят на полвост
Их младший брат...

Вое здесь верно, но не видно глубинной работы мысли художника. Выяты примеры, пе-

жачие, так сказать, «на поверхность». А ведь такой полет — это качественно новое в жизни людей, их чувствах.

Когда же в складных строках Б. Ахмадулиной критика видела «отрыб от жизни»:

Да, мало в жизни я видела,
Сидеть на приколоченные мне
На кляче самой задушкой,
Но тойгой о скакну...

А стихи были о другом — о желании познать, достичь большего бытия. В мечтах героя стиха думает:

Лечу! Того, что не пускало,
Уже не видно вдалеке...

Только что вышел первый сборник поэтессы — «Струна». Есть здесь строки об ограничениях:

Им на губах не оставаться,
Им не расхвачивать шпаны,
Им никогда не достигаться,
Что значит морская земля.

Стихи, по существу, о том же самым — о твоем участии в подлинной жизни. Но насколько второй образ емче и богаче первого!

Мы никак не переопременим достижения Б. Ахмадулиной. В частности, и в данном случае замечто, как молодая поэтесса учится

у своих предшественников (вспомните П. Васильева — «У этих цветов был несказанный запах, они на губах оставали следы»). В сборнике есть стихи мановитые («Старинный портрет» и др.). Но в целом книга «Струна» свидетельствует о значительном росте молодой поэтессы. Так нужно поддержать лучше, что есть у нее. Лучшее, что есть у ее товарищей.

Сейчас нет нужды цитировать бесчисленные стихи о дорогах, «которые манят», о готовности «в случае необходимости» пойти на войну и т. д. и т. д.

Велико сопоставление относительно. Но сколько глубинных раздумий на эту же тему вызывает, скажем, стихотворение Илья Кузлина «Памяти Константина Бажокова» из новой книги поэта «Необходимость!»

Корень жизни, сладочный женственности,
Далеко он не делает бесмертным.
Смерть ударит в любую мишень,
Тысяч умирают несамостоятельно...

Решения проблемы не отступит в тень.
Помоцник без следа и словословия,
Иногда — укачанье всем
Без равно сплывае чей-то кровью.
Льва — трудней. И немая только тут.
Постоянный, наводненный, грубий.
И друзья мои идут в маршрут,
Подтянув ремни и стиснув зубы.

Как отлично сказано здесь об ответственности поколения перед эпохой!

Цена сомнений, цена убежденности

Есть герои, стоящие на строительных лесах, на верту вездеходные адыны, и «герои», вынимающиеся под бременем надуманного мира конечных «сверхлюбопытностей». В первом случае — воля и мужество. Во втором — материальные страдания по поводу «перераданной души», официанты на ресторана, тоскливые перемены Лещенко. Здесь игра в «слепотность», переходящая в отречение от лучших идеалов литературы, а подчас и уродливое искажение самого смысла духовного поиска поколения.

Так молодую поэтессу Г. Гладкову, явно переопределяющую ранние, неудавшиеся стихи Е. Бушугино, посетила мировая скорбь:

Была пора — порадовать.
Была пора — лентить.
Пришла пора урождать,
Раздаривать, лупить,
Расплатиться, отгадать,
Распарывать полня —
Исправлять и праяля
Тебе и не взнаю...

С легкой руки взрослых дядей эта апологетика скутности, душевной ипноманности, отрешения от идейной ясности попадает в печать.

Стихи, которые мы приводили выше, вроде бы рассказывают о духовном поиске. Человек не кибернетическая машина. У него могут родиться сомнения. Он всегда в поиске, в творческих, в человеческих исканиях. Но искания эти много качественного свойства, чем «испания» на плашках, где приложить руку, чем заняться, великообразных шлопаев.

Подлинный, творческий, человеческий поиск имеет в своей основе не неверие, а убежденность в правоте своего дела, не мытье, а мужество, не отсутствие идеала, а твердую веру в них.

В дни контрреволюционного мизантра в Пенгрии неслух пера некоторых поэтов появились двусмысленно звучащие тогда, мимо «смелье» стихи. В них была мушкетер, нередко по незнанию или житейской незрелости их авторов переходящая в мутьность мифологизации.

И вспоминаются прекрасные стихи талантливого молодого латвийского поэта Ола Вал-

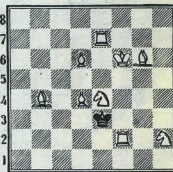
Под редакцией
материала старга
СССР
В. ЛЮБИНСКОГО

Дорогие друзья! Мы приглашаем вас принять участие в осеннем конкурсе «Смена» на лучшее решение шахматных композиций. Участникам конкурса предлагается проанализировать и решить пять композиций (четыре задачи и одна этюда). За правильные ответы на ту или иную композицию, в зависимости от степени ее трудности, засчи-

тывается от 2 до 4 баллов. Далеко не для каждого обязательная оценка — пятнадцать баллов.

Решения композиций давайте в полной шахматной форме, указав всем необходимым варианты, исчерпавшим все возможные задачи и этюды. Не забудьте, имена фамилии, имени и отчества, сообщать своей адрес, место работы или

учебы, разряд по шахматам (если имеется) и домашний адрес. На конверте делайте пометку «На шахматный конкурс». Победители нашего конкурса будут награждены дипломами «Смена». Последний срок отправки писем с ответами в редакцию «Смена» (по почтовому штемпелю) — 30 октября 1962 года.

БЕЛЫЕ НАЧИНАЮТ И ДАЮТ МАТ В ДВА ХОДА (2 балла)

ЖИВЫЕ СЛОВА

Анатолий ЕЛКИН

Критический репортаж
из страны Поэзии

молодых писателей

цита «Памятник вояку» о грозных событиях тех дней:

Стоял он здесь,
В шинели камышной, с лицом из камыша,
Осенней непокорюю набеженным
При взгляде чей-то смил,
Потом отец дочурку синеглазую
Пыл скривил хребрах на земле венгерской
И в камне окая, остав
Над Будапештом обломленным...

Фантасические выродки разрушили памятник, памятник солдату, отдавшему жизнь за свободу Венгрии.

Упал Сес стопа ой,
Славя плотою наменными губы,
И ему надылось,
Что за коммунист
Он увидает сына.
А дадено в тайге
Для этой таежной озы
И лишь в затише слышно,
Как весело
Упадуку снаму ручей долбит.—
Всю ночь,
Сринуя губами, не спала
Дочурка синеглазая его,
Что исторно нуэтро стает...
И счастью.
Она еще не знала,
Что камышный ее отец
Вина в эту ночь убил.

Товя внутренняя полнота

Когда спрашивают, почему то или иное издание, тот или иной редактор напечатал явно неудачные стихи или поэму, всегда хочется спросить: почему их напечатал сам поэт? У него не может не быть своей внутренней полноты — полноты сердца, не может не быть ответственности перед народом, перед самим собой за произведенное слово.

Речь идет не только о строгой требовательности к художественным качествам написанного — о самом содержании и смысле твора писательской проповеди. Сознательная бравада всегда столь же заветна, сколь и отвратительна, если она исходит из потребности устроить обычный диспансид. Подлинная популярность ничего общего с этим не имеет. Поэт не может не думать о том, пропадет ли какой-либо из его стихов, каких идей выступит он перед читателем.

В одном недавно вышедшем сборнике опубликован большой цикл стихов Андрея Дольского.

Не будем говорить о художественных достоинствах их — один из них совсем незрел, другим более удачно. Хотелось поговорить о другом томе, заучении подборки.

Поэт пишет о «руках, наполненных той-свой»:

Спасибо тебе
За боль,
За настоящие счастье
(За королевские снасти
И мерзкие паруса)...

Здесь и женщина, в душе которой «ничего, не было и нет», и глаза Филипа, «полные недоверья, и звезда, что «плачет во мгло».

Не хватало, кажется, только владбищенских крестов, все аксессуарно бессмысленно и тоска перечислена поименно.

Да, жизнь сложна, и в ней есть не только радость побед, но и горечь неудач, минуты душевной смелости, блуждающей вслепую. И в такие минуты особенно легко входить в душу строки, так сказать, созвучные твоей тоске, твоему горю.

Но поэзия не частное письмо, миллианное в смутные минуты. Ее адресат — миллионы. И только внутренняя «критика» может определять, что нужно для типографского станка, а что — для обобщенного лирического дневника.

Чтобы помочь человеку пережить горе, нельзя настраивать его на чувство бессмысленности.

Есть светлая грусть, очищающая человека. Есть такие смутно-нервные, надрывные моменты, от которых еще горше становится на душе.

Вспоминается прекрасное стихотворение Константина Симонова «Жди меня, и я вернусь» или его же «Ты поминишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Сколько помогли они в грозные годы сохранить душевную чистоту, выстояли! В их грустном напеве не было изысканности, поманной изысканности. И если говорить о гражданственности в поэзии, то такие вот стихи несут ее в самом сердце своем, сердцем человеческого сердца.

Сфера сложнейших человеческих чувств особенно ранима. И, обращая к ней, поэт должен выбирать слова, возвышающие человека, а не расслабляющие его волю. В этом мы тоже видим высокие принципы гражданственности искусства.

Смыслость подлинная и мнимая

Один известный писатель недавно сказал, что барабинный бой уже никого не может вдохновить. Это очень верно, если говорить о художественности, об образности искусства.

Но нет ничего почетнее, чем в наш прозо-

вой век быть в поэзии горнистом своего народа, солдатом, воином.

В этом подлинная поэтическая да и гражданская смыслость. Тем не менее, кто еще кричит губы при словах «современная тема», хочется напомнить, что мди некоей целиной труднее, чем переписать его раз сказано. Современная тема сама сложная. Ибо советский писатель имеет дело с явлениями принципиально новыми, рожденными социализмом. Иными стали отношения к труду, умудр. своим, личная и общественная жизнь людей, мораль. Труднее и в небывалой стремительности нашего движения вперед. И как еще часто в нашей критике проблему новаторства сводят к проблемам форм! А это вопрос дауже даже решен самой жизнью.

Образ, действительно «работаящий» на идею, замысел произведения, всегда ограничен для этой цели. И каким бы неожиданно смелым он ни был, он воспринимается как естественное, производное самим содержанием произведения движение мысли, души художника.

Связком, в новом большом цикле Андрея Вознесенского «Тридцать отступлений из поэмы «Треугольная гора», опубликованном недавно в журнале «Знамя», есть интересные, талантливые находки.

Например, в стихотворении «Стриптиз», где пресыщенные буржуа смотрят на выступление голой женщины:

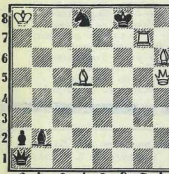
Страшен танец, В बारे
Лысна и свист,
Как пивани,
Глази пивниц нальиш...

Или образ агентов ФБР:

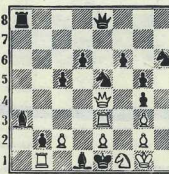
Невыгодно быть распитым,
До чашной родины снавом,
Когда в теек от гуд до птак.
Как пуги, всажены глаза! —

Несмотря на некоторую неожиданность формы, образ здесь очень естествен и ограничен.

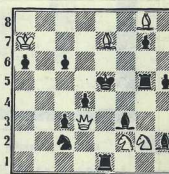
Но есть поэты, которые, ради создания нетрадиционной формы, сознательно усложняют образ. Неожиданностью можно поразить. Но самоцелью экзвилибретика словом никогда не была действенный образ. Такие стихи могут звать громко, но это не более, чем звук пустой консервной банки. Они могут быть ярки, как бумажные цветы, и привлекать

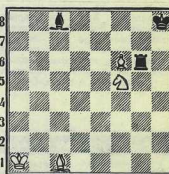
БЕЛЫЕ НАЧИНАЮТ И ДАЮТ
МАТ В ДВА ХОДА (2 балла)

БЕЛЫЕ НАЧИНАЮТ И ДАЮТ
МАТ В ТРИ
ХОДА (3 балла)

КАКИМ ОБРАЗОМ БЕЛЫЕ,
НАЧИНАЯ, БЫСТРЕЕ ВСЕГО
ДАЮТ МАТ НЕПРИТЕЛ-
ЬСКОМУ КОРОЛЮ (4 БАЛЛА)

БЕЛЫЕ НАЧИНАЮТ И ВЫ-
ИГРЫВАЮТ (4 балла)

своим внешним видом, но никогда не найдут дороги к сердцам читателей, — они мертвы.

Истинное художническое открытие не нуждается в украшении блестящими и мертвыми бумажными цветами. Так будет всегда.

Смелость, поощряемая в некоторых окололитературных кругах, на поверку оказывается, как правило, переодетой старухой. Это смелость по недоразумению, смелость по несанию литературы прошлого, оборачивающаяся простым впадошеством.

Сергей Константинов привнес в редакцию стихи, являющиеся, по его убеждению, смелыми, повторениями. Смелым он считал образ:

Они победили.
Июньские цветы...

Примудро прочесть ему две строчки из В. Пастернака:

О, как он велик был! Как сеткой мозгушкой,
Попытался изловить цветы.

А ритм стихов Сергея Константинова являю напоминаньем Цветаеву.

Когда я думаю о том или ином чужеземном поэте, я всегда пытаюсь предельно его личность, как человеческую натуру. Ибо стихи и написавший их человек неотделимы. Можно любить манеру одного поэта и не любить манеру другого. Но всегда уважал бы писателя, про которого знаешь, что в определенной жизненной ситуации он выступил именно таким и никаким другим образом. Поэзия не может быть философом. Мы за духовно цельную, богатую поэтическую личность, личность, твердо стоящую на защите наших жизненных принципов, революционной морали. Личность, прочно зацепленную силой собственных революционных убеждений от жестокого рода гонимых поэм.

Обычно говорят, что нельзя подкалывать поэту тему стихотворения, что каждой поэтической личности ближе те или иные стороны бытия. В определенной степени это верно. Но можете ли вы представить себе Пушкина лишь певцом любви? Можете ли представить его, скажем, без послания декабристам? Был бы Гильев Гильевым без арестованного о колхозниках, веками душанных его народ? Мог ли Луговской писать лишь о закатах и рассветах? Нет и еще раз нет.

Люди помнят высокий гражданский и поэтический подвиг Малковского, Неуды, Елены — многие и многих поэтов, чье творчество стало неотъемлемыми веками на пути человечества к счастью.

Уже само по себе обращение писателя к большим темам современности, как правило, открывает талант. Символической кажется в этом смысле литературная судьба молодого поэта Гюга Исеева. Его поэма «Суд» памятна не только переходом от частных наблюдений над жизнью к широким обобщениям. Самое содержание поэмы, рассказывающей о решающих идеологических битвах века, дало Исееву такой материал для размышлений, который потребовал и повлек за собой канонический рост мастера.

Черная сила в большой жизни, откинувшись на высокие события века, год от года набирает высоту человеческого таланта и наблюдений молодых поэтов. Это Роберт Рождественский и Майя Ворисова, Анатолий Поперечный, Римма Казакова и Новелла Матвеева. У каждого из этих поэтов свое дело, свой колорит, свой средства выражения. Но всех их роднит одно — творчество их неотделимо от судьбы их поколения, от их времени, его тревог и побед.

А это — главное в поэзии!

Е. ПЛАТОНОВ

Заяц-свидетель

Однажды на глазах Косого Волк Ярки в роще задушил Суд, вызвав Зайца, допросить его. Но он о хищнике — ни слова. — Я, братцы, к делу непричастен. Хотя, правда, рощей пробагал, — Статус ой — Но там, к несчастью, Ни Серого, ни Ярки не видел. Со зрением, наверно, плоховато: Не зря меня Косым зовут... А сам подумал: «Расколик, а суд Вдру Волка оправдает? Что тогда-то?» И Волка отпустил...

В суд он снова Попал за то, что... съел Косого.

с. Шереметьевка,
Лысковского района,
Саратовской области.

Когда люди еще не умели писать.

Рисунок А. СУХОРУКОВА.

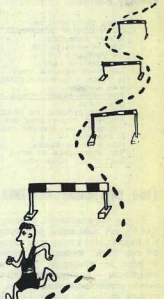

Рисунок О. ПОМОЧНИЦА

Перед ударом...

Рисунок Р. ОБВИЯНА.

Легкая тренировка спаломиста.

Рисунок А. СУХОРУКОВА.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЩЕР

Знают экран

С восьмилетним Вовою Мать пришла в кино. Шла картина новая — «Страсть Лурья», но Вову восьмилетнего Не пустили в зал. Вызвали директора, Он им так сказал: «Вы в администрацию Обратились зря! Детям до шестнадцати Фильм смотреть нельзя! Мать была расстроена Чуть ли не до слез, Но в ответ с достоинством Вова произнес: «Зря ты дядю вызвала, Я же говорю, Что по телевизору «Страсть посмотрю!»

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-65, Саратовская, 2-я

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделе литературы и искусства — доб. 2-15; отделе публицистики — доб. 3-52; междугородной связи — доб. 3-41; факсурия и почты — доб. 3-44; сатиры и юмора — доб. 4-79; пассам — доб. 2-35; информации — Е 7-65-82; науки и техники — Е 7-45-52; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Домлатовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочков, В. П. Разумнин (заместитель главного редактора), Е. И. Рибчинко, А. А. Сосин, Е. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

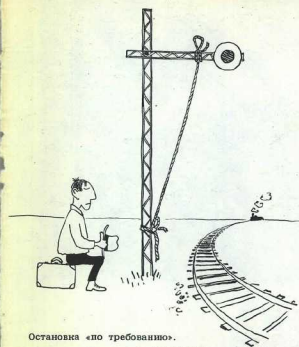
Художественный редактор А. Б. Стуков.

Оформилена В. Соколова.

Технический редактор Н. Вуджина.

А 09773. Подписано к печати 4/IX 1962 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1820.
Заказ № 2399. Формат бумаги 70х108х,
2 б. л. — 5,48 и. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

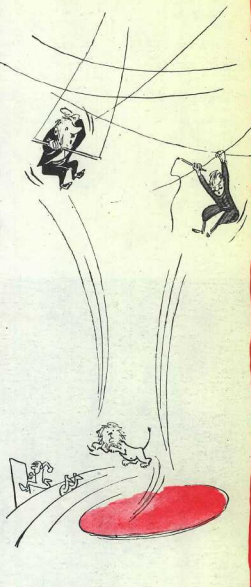

Остановка «во требованно».

Рисунок О. СУХОБЕЕВА.

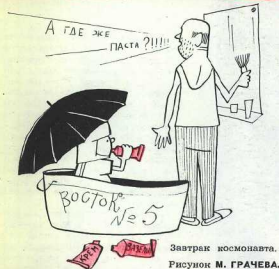

Рисунок О. ПОМОЧИЛИНА.

Вот так номер!..

Рисунок В. ДРОГАЛИНА.

Завтрак космонавта.

Рисунок М. ГРАЧЕВА.

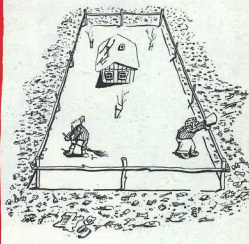

Рисунок Ю. ПЕРЕПЕЛКИНА.

К Р О С С В О Р Д

Составил Б. ЛИХНИЦКИЙ.

По вертикали:

- Поэма А. С. Пушкина.
- Ведение программы концерта, экстраordinного представления.
- Лесное витаминное растение.
- Поэма К. Хетагурова.
- Город в Литве.
- Лечебная вода соленых озер.
- Ирландский подорожник.
- Одноцветное растение.
- Герой слезы В. Маяковского.
- Деталь для крепления рельса со шпалой.
- Симфония П. И. Чайковского.
- Привстань в верховье Волги.
- Вещица для платья.
- Единица электрического сопротивления.
- Промысловая рыба Каспийского моря.
- Известный советский кинорежиссер.
- Крупная дневная бабочка.
- Автор картины «В. Ленин в Смоленске».
- Конструктор судов на подводных крыльях, лауреат Ленинской премии.
- Гена, соединившая с Кубанью Нантингомским каналом.
- Оснащение судна для постановки пиратов.
- Числитель писательницы.
- Вид международной торговли.
- Северная ягода.

По горизонтали:

- Советский архитектор, лауреат Ленинской премии.
- Малая планета.
- Автор оверы «Декабристы».
- Искусство безотортного полета.
- Город в Италии.
- Гречка из семейства лютиковых.
- Восточный поезд, участник пролетарской революции 1919 года.
- Певница народная артистка СССР.
- Советский академик, ученый-агроном.
- Аппарат для записи и воспроизведения звука.
- Произведение Л. Н. Толстого.
- Порода тонкорунных овец.
- Алтайский филиал.
- Самостоятельный железнодорожный вагон.
- Система севосвобода.
- Курорт в Туркмении.
- Недвиж. сооруженное здание, промышленное предприятие.
- Алтайская мера веса.
- Басня И. А. Крылова.
- Крупный железнодорожный узел в Западной Сибири.

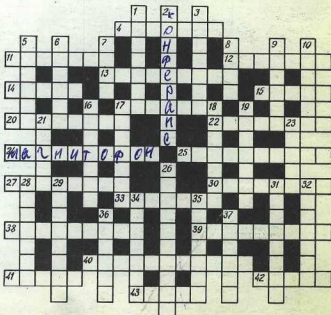
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В М 17

По горизонтали:

- Патон.
- Карганда.
- Струве.
- Кибрик.
- Каракол.
- Пикассо.
- Юнда.
- Синтаксис.
- Грамм.
- «Новь».
- Матмадарян.
- Юмюк.
- Фьельм.
- Пантомим.
- «Париж».
- Витачен.
- Титаник.
- Арауна.
- Анация.
- Теневещица.
- «Обвал».

По вертикали:

- Перов.
- Того.
- Манси.
- Каракас.
- Абринос.
- Сурнай.
- Числот.
- Кавалардос.
- «Монвалло».
- Ландченик.
- Пестамент.
- Оранжерия.
- Кенаф.
- Манюк.
- Инастра.
- Япония.
- Почтавт.
- Ротация.
- Конго.
- Кецал.
- Мера.

Мальчишка строит ракету. Не всякую игрушку, которыми в изобилии снабжают его сверстников на Западе ненасытные служители бога наживы. Нет, десятиклассник 508-й московской школы Слава Швейба строит действующую модель радиоуправляемой ракетной установки для исследования верхних слоев атмосферы (первая страница обложки). Как это символично и знаменательно для нашего времени, которым будут датированы первые страницы истории освоения космоса советскими людьми!

Мальчишки строят ракеты и самолеты не только в Москве — во всех городах и селах нашей необъятной страны. Их модели не похожи, очевидно, на настоящие, на те, что увлекли в небесную синь Гагарина и Титова, Николаева и Поповича. Но это не так уж и важно. Может быть, со временем Слава станет конструктором космических кораблей, а его товарищ по занятиям во Дворце культуры автозавода имени Лихачева, одиннадцатиклассник 503-й московской школы Андрей Наумов — авиаконструктором — недаром ведь он построил модель самолета «ИЛ-18» с работающим двигателем.

Не только технике, но и искусству отдают свое свободное время наши ребята. Об этом лучше всех слов говорит третий симфоник — занятие кружка лепки и валяния в школе-интернате № 15 г. Москвы, которое проводит художник Г. Митрофанов. С ранних лет подрастающее поколение нашей страны приучается искать, творить, дерзать, и именно в этом залог будущих побед строитель коммунизма.

Фото В. ПУКЛЕЯ.